

Август

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть, небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его». Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой — я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

Яков Друскин дневники и письма

Яков Друскин

**Собрание сочинений. Том
2. Дневники и письма**

«Ад Маргинем Пресс»

2026

УДК 82-6+2-1
ББК 86.201

Друскин Я. С.

Собрание сочинений. Том 2. Дневники и письма /
Я. С. Друскин — «Ад Маргинем Пресс», 2026

ISBN 978-5-908038-47-8

Яков Семёнович Друскин (1902-1980) — религиозный философ, литературовед, член кружка «чинарей» и друг обэриутов, чьи труды он спас от уничтожения во время войны. Его наследие включает более пятисот опубликованных посмертно эссе и трактатов, обширный корпус дневниковых заметок и писем. Через все тексты Друскина красной нитью тянутся темы времени, мира, духа, материи, несуществования, пространства, вечности, бессмертия, страха и Бога. Начиная с 1933 года и до конца жизни Друскин вел дневники. Это не бытовые записи — в них автор рассуждает о тех же проблемах, что и в своих сочинениях, полемизируя с философами прошлого, и без снисхождения осмысляет при этом в рамках религиозной этики собственную жизнь: личные переживания, смерть родных, воспоминания о дружбе и совместном творчестве с Липавским, Хармсом, Введенским. Помимо дневников Друскина, во второй том настоящего издания также вошли избранные письма, разносторонне характеризующие содержание и стилистику эпистолярного наследия Якова Семёновича. Среди адресатов: Тамара Липавская, художник Владимир Стерлигов, священник Дмитрий Дудко и физик Евгений Фейнберг. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-6+2-1
ББК 86.201

ISBN 978-5-908038-47-8

© Друскин Я. С., 2026

© Ад Маргинем Пресс, 2026

Содержание

Яков Друскин	7
1933	7
1934	11
1936	12
1937	22
1939	23
1940	27
1940	28
1941	30
1942	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Яков Друскин
Сочинения в 2-х томах
Том 2
Дневники и письма

© Яков Друскин, наследники, 2026

© Валерий Сажин, составление, примечания, 2026

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Яков Друскин Дневники

1933

О счастливой жизни

Л. говорил о счастливой жизни: спокойная жизнь в комнате, когда не можешь выйти, счастье ли это? Нет, остается незаполненное время. Также на полустанке, когда поезд стоит долго, – спокойная жизнь. Счастье ли это? Но перед отходом поезда, когда остается полчаса, зайти не торопясь на станцию и выпить рюмку водки – это счастье. Счастье – когда имеешь паузу в общей спешке, когда все торопятся.

Вот две окрестности смерти: конец, «окончателность» (В.) и вторая: спокойная жизнь и счастье. Вот окрестности спокойной и беспокойной жизни: незаполненное время, тяжесть усилий, одиночество.

Некоторые удобства, отсутствие необходимости торопиться, развлечения, свободомыслие – вот что называли красивой жизнью. Когда же жизнь потеряла удобства и всё, что с этим связано, остался скелет жизни: страх смерти и времени.

Считать преобладающим и нормальным в порядке событий, имеющих ко мне отношение, неприятное, также отсутствие и пустоту, – вот условие спокойной жизни. Но это не счастье.

Считать нормальным ощущение тяжести усилий и незаполненного времени.

Счастливая жизнь – это жизнь прибрежных жителей.

Я не люблю спать в чужом месте, потому что в чужом месте замечаю продолжение, не имеющее конца, то есть размеры. Например, новые звуки. В своей комнате я привык к звукам, и они имеют определенные размеры. На своей кровати, в комнате, к которой я привык, размеры меньше. Большие размеры вызывают ужас, это граница, которой я не могу достичь. Наибольший размер имеет смерть.

Расстояние в пространстве измеряют временем, сказал В. Я спросил его: как измерить расстояние между двумя стихотворениями? Расстояние между двумя значениями этого и того? Между двумя значениями есть не только различие, но и расстояние, его можно измерить. Меня интересует число расстояний между двумя значениями, расстояние между распусканием цветка и деревом, их числа. Меня интересует пустое расстояние и отсутствие между двумя значениями.

Мне снился переход от этого к тому. Я истекал кровью и через несколько минут должен был умереть. Страх не было, но я немного пожалел чего-то. Затем я сразу проснулся. Не было промежуточного состояния между сном и бодрствованием. Проснувшись, я подумал: состоялся переход от этого к тому.

О. тоже несколько раз видел во сне, что умирал, и говорит, что приближение смерти страшно, когда же кровь начинает вытекать из вен, уже не страшно и умереть легко.

Когда говорят: смерть – это как сон, то думают о смерти другого человека. Между тем смерть – это или мой сон, или отсутствие моего сна. Кажется, мой сон даже без сновидений я чувствую как мой сон, но сон другого человека мне безразличен.

Непонятно отсутствие меня. Когда я сплю, отсутствует **я**, но **мое** не отсутствует. Может быть, смерть – это граница между одним моим и другим моим. Было мое я, но теперь будет другое мое.

Самый глубокий сон без сновидений ближе ясного, но достаточно удаленного воспоминания.

Ужас от отсутствия и от переполнения, например система лунного света, система пузырей и жаркий летний полдень.

В детстве у меня было два кошмара. Они повторялись и позже. Сейчас бывает один из них, и я даже нахожу удовольствие от него. Происходит это между засыпанием и сном. Это ощущение, в котором принимают участие: число пять, ощущение, которое испытывает язык, приближаясь к зубам, когда произносится слово «пять», небольшой груз, подвешенный на нитке, или зуб, уже почти выпавший, и некоторое равновесие, которое сейчас будет нарушено.

Л.: может быть, всё пространство ограничивается Землей, а всё время – небольшим промежутком, например временем человеческой жизни; всё же, что происходит в этих границах, только проецируется в воображаемое бесконечное время и пространство.

Счастье в освобождении от торопливости. Когда я, придя из школы, ложусь на диван, это счастье? Но, может быть, здесь присутствуют еще другие условия. Возможно, счастье в напряжении всех сил? Но это, скорее, может иногда дать удовольствие, а не счастье. Но всё это не определяет счастья. Счастье, быть может, в том, чтобы не ощущать больших размеров. Затем, ощущение пустоты – это ощущение расстояния между двумя предметами или событиями, причем небольшие расстояния ощущаются как очень большие, бесконечные. Это и есть пустота, скука, тяжесть времени, и это нарушает счастье. Может, счастье не в определенных событиях, а в отношении к расстояниям – это умение сокращать расстояния.

Сокращение расстояний или размеров достигается различными путями. Например, вся жизнь – один промежуток; можно ощущать это расстояние как небольшое – это святость. Но можно разбить его на множество маленьких интервалов и в каждом сокращать расстояния – такова, должно быть, жизнь прибрежных жителей. Ограничение времени, дробление на интервалы, сужение или растягивание времени – вот что отличает счастливую жизнь от несчастливой. Еще для счастья необходимо некоторое понимание. Я здесь имею в виду отношение к другим. Для счастья не так важно, как ко мне относятся, а как я отношусь к другим. Некоторое непонимание нарушает счастье.

Л. говорил о науке радости. Он думает, что радость может стать обычным состоянием, для этого надо скинуть привычки, мешающие этому. Современный святой будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Л. пробовал стать таким святым, но не получилось. О. добавил: «Разве боль от одеколона после бритья не одна из самых острых болей, а мы ее не замечаем, так как знаем, что на нее не надо обращать внимания».

Я хотел иметь различные вещи и чувствовал себя несчастным, потому что их не было. Когда же получил одну из них, я удовольствовался этим и мне больше не надо было. Но и эта одна вещь перестала представлять для меня интерес, когда я получил ее. Я спутал удовольствие с счастьем. Удовлетворение желания – это только удовольствие. Но обычно оно приходит с опозданием, и удовольствие не так велико. Но это не имеет отношения к счастью.

Не курить, вообще не иметь привычки, которая считается приятной, не увеличит тяжести усилий и незаполненного времени. Какую бы я жизнь ни вел, это войдет в привычку. По этому поводу правильно замечали, что путешествия развлекают. Но так же правильно замечали, что и путешествия здесь не могут помочь. Остается время, которое я ощущаю как внешний предмет, перед ним бессильно всякое напряжение, направленное на изменение порядка событий, имеющих ко мне отношение.

В некотором равновесии в порядке событий, имеющих ко мне отношение, также есть небольшая погрешность. Когда я отказываюсь от какой-либо привычки, я ощущаю в течение какого-то времени большой недостаток. Но так как потом наступает снова равновесие, не отличающееся от прежнего, то этот промежуток следует считать небольшой погрешностью.

Дается ли счастливая жизнь даром или ей можно обучиться?

Никто не имеет в виду общий порядок событий.

Одна из ошибок – разделение на тело и душу. В Евангелии: «Я скажу своей душе: ешь, пей, веселись» (Лк. 12:19).

(Сон) В ночь, когда мне исполнилось 30 лет, ко мне пришел (во сне) покойный Георг. Он показал мне смерть. Я не поверил и сподличал, но затем увидел его товарища, и он, тоже умерший, смотрел на смерть. Это было страшно и убедительно.

После этого Георг много раз являлся мне во сне. Однажды он учил меня ходить по времени. Во сне это было просто. В другой раз он явился мне каким-то просветленным, но неинтересным. Встреча произошла на железнодорожных путях, были рельсы и провода. Я просил его подбросить меня вверх, это было испытанием на чудо. Я боялся, чтобы он не догадался. Но он не догадался и подбросил высоко, но всё же это можно было объяснить и естественно. Я попросил его снова подбросить. Он подбросил меня на этот раз выше телеграфных столбов. Значит, чудо. И сразу же Георг и само чудо стали мне неинтересными. В представлении о чуде есть погрешность: осуществленное чудо неинтересно. Л. думает, что чудо не в факте, а в стиле. Это мало что объясняет. Я хотел чуда и в то же время во сне немного боялся, что Георг покажет мне чудо. Я просил одно, а он должен был сделать что-то совсем другое, может быть, тогда бы это было настоящим чудом.

Где бы я ни был, я всегда думаю: мне предстоит удовольствие вернуться домой в свою комнату. Может быть, это некоторое счастье: ночью, один в своей комнате. Это освобождение от торопливости, хотя бы она и доставляла удовольствие.

Прежде говорили: жалко умереть в 18 лет. Чего жалко и почему жалко в 18 лет, а в 80 не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещения театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газетах. Всё это нелепо. Красивой жизни нет. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщине. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

З.: «Мне кажется, что все люди, неудачники и удачники, в глубине души чувствуют себя несчастными».

Разговор с Л.: меня интересует счастье. Помнишь, у Пушкина: «С богом, в дальнюю дорогу». Что там? Один убит, другой пропал без вести, «жив иль нет, – узнаешь сам», дочь живет где-то в Лизгоре, но «с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Всё же ясно, эти люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам. Л.: да, у них невеселое счастье, но это счастье. Я: кто же эти люди? Моряки или рыбаки, прибрежные жители. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит в прибрежном поселке. Или в лесу. Но лес, в конце концов, то же море. И люди у Гамсуна в большей или меньшей степени счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье, как Гёте исследовал цвета? Л.: есть один признак, по которому счастье можно отличить от удовольствия. Когда удовольствие минет, оно становится безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье трогает и в старости, уже не существуя. Л. говорил о неувядаемости счастья.

Бывает ли непонимание у деревьев и вестников? Если те и другие неподвижны, то у них не может быть непонимания окрестностей. Прикрепленные к своему месту, они живут спокойно и всё знают. Они не нуждаются в обозначении, и равновесия с небольшой погрешностью они достигли. Они разговаривают медленно, с трудом выговаривая слова, не запоминают сказанного и как будто никого не знают. Они счастливы.

Я совершил ошибку. Но если бы я сейчас и мог избрать другую жизнь, я бы этого не сделал, так как боюсь жить во второй раз, даже если не ошибусь, и еще больше – самой перемены, изменения судьбы. Это ощущение единственности жизни и счастья.

Условия счастья – уменьшение расстояний, стягивание времени. Но теперь как ни дробится время, и самые малые интервалы растягиваются бесконечно. Остаешься один: до ближайшего предмета, до ближайшего человека – бесконечность. Осталось: я, время и смерть.

Передо мной непонятные фигуры, случайные расположения. Я должен найти их знаки. Это подобно наложению некоторой печати. Я свободен в выборе знаков, в наложении печати, но, когда печать наложена, я вижу, что был знаком одной из фигур. Смерть – последний знак: чувств не осталось, память всё потеряла. Осталась пустота, и страх, и система знаков, печать, почти наложенная.

1934

Смерть

Когда перед смертью он говорил: «Больно», то выходило так: «Ему больно». Когда на лице появлялась гримаса, то это было как рефлекс, и ясно было, что душе не больно. За сутки же перед смертью он отвечал на все вопросы: «Хорошо» – и еще сказал: «И рукам хорошо, и ногам хорошо, и в земле хорошо».

Он натянул простыню на лицо, когда же спросили зачем, он сказал: «Для настроения». Простыню отодвинули, тогда он закрылся руками.

За две недели он умирал четыре раза. Первая смерть с виду была совсем мудрая, тогда он сказал: «Плечо устало, рука устала, всё устало». Вторая смерть – в полном молчании, он слабел и холодел. Третья смерть наступила за сутки, он говорил: «Всё хорошо» – и сказал: «Теперь я буду спать». После этого заснул, а затем лежал в беспамятстве с открытыми глазами. Четвертая смерть была самая страшная и непонятная и, кажется, в полном сознании.

Когда он умирал в четвертый раз, может быть за два часа до последней смерти, наступило понимание: не было произнесено ни слова, он не мог говорить, но передал мне наследие и старшинство в роде. Я видел, что он знал это так же, как и я. Это было как оправдание и передача наследия и старшинства в роде, как предвестие последнего часа л, наложение печати. Большого понимания у меня не было в жизни.

Он умирал четыре раза, он искал наиболее благоприятного способа смерти и выбрал наиболее непонятный и страшный: клочотание в груди и изливание пены. Может быть, здесь была наименьшая погрешность.

Когда смерть подходила в первый раз, он смотрел прямо перед собой, ничего не замечая, и молчал. Что он видел? Может быть, все силы были направлены на излечение сердца? В четвертый раз он тоже смотрел, ничего не замечая, но это было иначе, кажется, был ужас, или мне было страшно. Но вдруг он посмотрел на меня, это было, когда он передал мне старшинство в роде. Взгляд был ясный и сознательный, одним глазом, другой был парализован.

Когда делалось немного лучше, он беспокоился, просил позвать врача. Когда же бывало совсем плохо и чувствовалась близость смерти, он был спокоен, равнодушен к приходу врачей и говорил, что ему хорошо, хотя знал, что умирает.

Может быть, раньше было то, что я назвал второй смертью, а потом первая?

1936

О банкротстве

Что меня интересует сейчас? Во-первых, способы смерти. Затем – как я жил. Я не вижу ничего впереди, поэтому меня интересует прошлое – как я жил и зачем. Затем меня интересует некоторая пустота: мне нечего сказать.

Термин – это недоказанная теорема, новая точка зрения, отношение к существующему. Например: представление и понятие, время и пространство, категорический императив. Если бы я должен был определить Канта двумя словами, я сказал бы: категорический императив.

Такой термин у меня: некоторое равновесие с небольшой погрешностью.

Точная идея, например апории Евклида или категорический императив Канта. Но она может быть и неопределенной. Некоторое равновесие – это точная идея. У меня была другая идея, тайная, я назову ее нескромной: соседний мир. Это тоже термин. Соседний мир – это уверенность в том, что есть различные способы существования, я хотел подсмотреть **не-то**. Еще была у меня идея, я назову ее дерзкой, – идея Вавилонской башни. Я хотел узнать всё и изложить по порядку. Других идей я сейчас не помню, меня интересуют две названные. Что касается дерзкой идеи, то здесь я полный банкрот. У меня была смелость, но я не уверен, что по отрывкам, которые сохранились, кто-нибудь другой поймет это. Между тем сохранилось, должно быть, лучшее. Затем я открыл метод – метод **этого и того**. С его помощью исследовал соседний мир и некоторое равновесие.

Мне нечего сказать, я банкрот. В чем здесь дело? Во-первых, в том, что даже то, что я открыл и исследовал, – метод **этого и того**, соседний мир, некоторое равновесие и другое – даже это я сделал не так, как хотел, то есть я отказался от системы или (вернее) от полноты. Но это банкротство, по-видимому, неизбежное для человека. Помимо того, в этом и заключалось открытие: небольшая погрешность, ошибка принадлежит к существующему. Я впервые понял значение неточности. Во-вторых, я потерял точность. Я запутался в неточности, которую открыл, не вижу различия между небольшой и большой погрешностью. Когда я стремился к точности, я строил Вавилонскую башню, и она рухнула. Я открыл некоторую неточность и первое время пользовался ею как надо, но теперь потерял критерий неточности. Таким образом, сейчас нет точных идей, допускающих необходимую неточность. В-третьих, раньше я писал плохо, потом стал писать хорошо. Я имею в виду стиль или слог, но затем я приобрел некоторые приемы и тогда кончил писать: не стало мыслей. Меня удивляло, с каким упорством месяцами, годами я искал нужный термин, не пренебрегая и плохими. Я хотел найти термин, не думая о том, хорошо ли это будет изложено или плохо, и в конце концов находил и излагал хорошо. Но плохое изложение меня не останавливало, я удовлетворился бы и плохим, если бы нашел его правильным. Когда же нашел правильное изложение, оно оказалось и хорошим. Теперь же, уже два года пытаюсь писать, я вижу, что стремлюсь не к правильному изложению, но к хорошему или красивому и не нахожу ни правильного, ни хорошего. Наконец, я пришел к такому состоянию, когда у меня нет ничего, никаких мыслей, полная пустота. Это состояние я назвал когда-то нулевой истиной, истиной нулевой степени. Много раз я обнаруживал ошибку в своих рассуждениях. Когда у меня не будет склонностей и желаний, когда будет совсем пусто, тогда я начну правильно рассуждать, думал я. Но что же я скажу теперь? Что мне сказать об истине нулевой степени?

Я открыл старые тетради: «Непосредственное и его основание» – это общее название семи или восьми исследований – страниц двести. Я не мог прочесть и нескольких строк. Можно представить себе философию скопца: бесцветный мир. Эти люди были названы людьми лунного света. «Непосредственное и его основание» – скопческая философия. Это никому не

нужно и непонятно, писал ее человек с Марса. Но меня удивляет их тонкость, возвышенность и благородство.

Путь моего банкротства: высокие предметы – высокий стиль – банкротство. Высокие предметы – это те, что за смертью. Но затем пришел Георг, показал мне смерть, и я подумал: что мне до того, что за смертью, это не имеет ко мне отношения. Меня интересует, как придет смерть, как я буду перед смертью. До прихода Георга я не думал о себе, также не думал о себе после смерти. Но позже это стало лицемерием. Я хотел думать, что всё благополучно и есть бессмертие. Всё же в этом было благородство: не думать о себе, но о том, что за смертью. С одним я говорю иначе, чем с другим, с женщиной иначе, чем с мужчиной. Я писал как бы перед лицом смерти, это и есть высокий стиль. Теперь я пишу, как говорю, и в этом банкротство.

Бывает сомнение и уныние. Я могу записать то, что я думал тогда, и это может сохраниться. Если будет записано плохо, хуже, чем прежде, это не имеет значения – погрешность небольшая. Но если то, что я сейчас пишу, закончу и оно окажется лучше того, что я писал, – это будет банкротством.

Когда я нахожу что-нибудь новое – Щель или то, что я узнал от Г[еорга], я знаю это точно и некоторое время излагаю точно, но не могу сделать из этого благоприятных выводов. Но затем нахожу всё же некоторое благополучие. Новое – это новые термины и, значит, новая система, затем появляются приемы, но мысли теряют необходимую определенность, или возрастает неточность, и я теряю критерий неточности. Неопределенные мысли важнее определенных, но и в неопределенных мыслях есть некоторая точность, их неточность – небольшая погрешность, эта неточность ограничена. Поэтому неопределенную мысль нельзя пересказать своими словами, ее надо передать точно, например: «Блаженны нищие духом». Поэтому неопределенная мысль требует большей точности. Некоторая неточность ее – небольшая погрешность – происходит оттого, что неопределенная мысль – из соседнего мира. Но бывает другая неопределенность, когда мысль не имеет значения, потому что применима ко всему, здесь совсем нет точности. Вначале я не нахожу благоприятного мне, но начало – неопределенная мысль с некоторой неточностью или почти точная. Когда же нахожу некоторое благополучие – нет необходимой точности, и тут вторая неопределенность – когда мысль не имеет значения.

Некоторое равновесие с небольшой погрешностью – это нарушение и восстановление равновесия. Это нарушение и восстановление равновесия есть сейчас и сейчас, всегда сейчас. Но когда равновесие восстанавливается – это неопределенно вторым родом неопределенности, как то – то. Нарушение и восстановление равновесия – это только способ понять некоторое равновесие с небольшой погрешностью, мы замечаем его только что нарушенным или восстановленным.

Что же сказать тогда о банкротстве и отсутствии мыслей? Если так замечаем мы восстановление равновесия, то я не вижу благоприятствующего мне. Я исследовал степень высоты и повороты и нашел здесь некоторое равновесие, когда оно нарушалось – это равновесие с небольшой погрешностью. Но как понимать восстановление равновесия, откуда вторая неопределенность? Слово нарушило равновесие. Это определенное слово, знак, в нем есть необходимая неточность. Но вот любое слово восстанавливает равновесие, и оно неопределенно и пусто, как то – то. Нет двух равновесий, нет нарушения или восстановления равновесия. Оно всегда есть как некоторое равновесие с небольшой погрешностью, я же замечаю его так или иначе. Но, замечая его как восстановленное, я ничего не вижу. Я замечаю только нарушение равновесия.

Последнее место – место последнего отсутствия – это некоторое равновесие с небольшой погрешностью, только что восстановленное.

Я думал о том, что у меня нет мыслей и что мне не о чем думать. Таким образом, я дошел до последнего места – места последнего отсутствия.

Некоторое равновесие не происходит и не возникает, не нарушается и не восстанавливается. Некоторое равновесие с небольшой погрешностью есть в видимом, в том, что происходит, небольшая погрешность равновесия есть видимость происхождения и времени, но само равновесие не во времени. Я же замечаю его как нарушение и восстановление, я замечаю небольшую погрешность. Оно открывается мне в нарушении, когда же восстанавливается, но только в видимости, потому что само не нарушается и не восстанавливается, но есть, тогда я ничего не вижу. Я наблюдаю восстановление равновесия как пустое, незаполненное время без событий. Это время не движется, не проходит, оно просто есть. Но равновесие также не возникает, не нарушается и не восстанавливается, но есть. Время – это форма некоторого восстановленного равновесия с небольшой погрешностью. Это время пустоты и скуки. Другое время – время событий – это небольшая погрешность в некотором равновесии.

Что меня интересует сейчас во времени? Если я говорю, что время – это форма некоторого равновесия, только что восстановленного, это надо понимать так: если времени не существует, если время только видимость, то я воспринимаю время в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Таким образом, время пустоты и скуки – это форма небольшой погрешности в некотором равновесии, когда оно восстанавливается. Но сейчас меня интересует другое: если времени не существует, то нет изменения. Я представляю себе вечность как мгновение, всё же, что было до этого мгновения, уже не существует, это относится к состояниям или возможностям мгновения. Но в мгновении я не нахожу благоприятствующего мне. В мгновении я нахожу чужое. Меня это пугает, и я хотел бы другой вечности, которая дала бы мне успокоение; с вечностью связывается идея вознаграждения, таким образом – будущее, то есть вносится время. Но это неверно.

Как понимать начало времени? Оно бесконечно по своей природе. Но может ли оно быть вечным? Оно имеет начало. Когда некоторое равновесие нарушается, возникает время. Время – это небольшая погрешность. Но я замечаю время, когда некоторое равновесие восстанавливается, время – это пустота и скука. Таким образом, оно всегда начинается, всегда есть в возможности. Возможность времени – это и есть его начало, ведь время начинается не во времени, но в вечности время тоже не начинается. Если же всегда есть небольшая погрешность, то всегда есть возможность времени или чего-либо подобного ему, то есть какая-либо форма небольшой погрешности. Не время есть, но возможность времени или чего-либо подобного ему. Но как здесь найти благоприятствующее мне? Если я – только переход от возможности к существованию, то, мне кажется, в существующем меня не сохранится. Может быть другое предположение: есть вечный переход и колебание, и случай может дать соединение, но здесь нет уверенности, и при этом возможно возвращение из существующего в возможное, и это совсем безнадежно. Третье предположение: я осужден на вечный переход. Я хотел бы быть уверенным в уничтожении перехода, но для этого необходима реальность времени; это невозможно.

Возможность есть начало времени, если время не существует, так как тогда его можно предполагать бесконечным: оно не существовало раньше и в бесконечности, так же как и теперь. Время даже нельзя предполагать небесконечным, потому что бесконечное продолжение и есть время, но время не существует вечно, так как не существует вообще.

Невозможно понять вечность, вечное осуждение и т. д., поэтому говорим о времени. Я не наблюдаю изменения в мгновении, но в мгновении нет благоприятствующего мне, и, может быть, тогда я создаю время.

Что отличает время от вечности? Возможно ли существование того или другого? Я могу предположить мир без вечности, и в начале моих рассуждений не будет ошибки, кроме, может быть, небольшой погрешности. Но затем я увижу, что время непонятно и должна существовать вечность. Я могу предположить и мир без времени – некоторое мгновение и его состояния – прошлое, которого нет и не было, и здесь также не будет ошибки, кроме небольшой погрешности, но это мгновение пройдет.

Таким образом, и вечность непонятна без времени. Но я не смогу соединить время и вечность.

Почему прибрежные жители счастливы? Они слышат шум моря и живут согласно природе. Их жизнь зависит от прилива и отлива, от бури и погоды. Это дает серьезность, желание и уверенность в правильной жизни. Они не знают времени, прилив и отлив определяют их жизнь, сказал Л. В связи с этим я думал: наблюдая прилив и отлив, снегопад, огонь в камине, я не замечаю времени. Это подобно мгновению, в нем есть однообразие и порядок. Что объединяет эти состояния? Их объединяет отсутствие интереса к себе.

Задача Л. В течение некоторого времени, меньше одной секунды, дрожала натянутая струна. Множество колебаний за этот короткий промежуток времени я воспринял как качество – звук. Колебания струны столь незначительны и скоры в отношении к тем расстояниям в пространстве, которые я могу видеть, и к тем промежуткам во времени, которые могу различить, что я принял их за равные. Промежуток времени, в течение которого я воспринял множество колебаний как одно состояние или качество, я назову мгновением. Может ли мгновение растянуться на час, на год, на всю жизнь? Что я увижу в этом растянутом на год мгновении? Когда увижу его – в начале, в середине или в конце? Какое оно создаст новое качество?

Все мятется всяк земнородный.

Что лучшее у Канта? Трансцендентальная дедукция категорий и учение о трансцендентальном характере, причем и сам Кант признавал, что это самое важное: трансцендентальная дедукция во втором издании написана заново. Но это и самое неопределенное. Так же и у Аристотеля самое главное – это потенция и акт, материя и форма, и так же это неопределенно. Вообще у всех философов то, что ясно и определено, – или относится ко второй философии, или неверно. Но это неопределенное можно формулировать так: как понимать небольшую погрешность в некотором равновесии? Эта формулировка дает определенный путь к решению.

Если я называю несказанное, даю ему имя, и это имя – его имя, не сказанное, но пользующееся моим и сказанным, то вот существуют вестники и всё, что должно быть. Но, может быть, это только мое имя, а то, другое, неизвестно, и может быть, и нет его? Тогда как определить мое место, как найти место всего другого?

Отношение Творца к сотворенному (или Несотворенного к сотворенному) названо Отцом, отношение сотворенного к Творцу – Сыном, их общая сущность – Святым Духом (Эриугена).

Л. сказал, что мышление – это поступок. Он понимал это так: есть рисунки, на которые смотришь и не можешь понять: выпуклые они или вогнутые. Пусть всем казался он выпуклым. Но вот пришел человек, внимательно посмотрел и увидел, что он вогнутый. Мышление – это работа, сказал Л. Игра в шахматы и на бильярде – одинаково физическая работа или мышление. Открытия нельзя доказать. Человек иначе посмотрел и увидел другое.

Л. спросил: «Что такое Reiz, или приятность, у женщины?» Приятность в соединении стихии с индивидуальностью – это соединение неустойчиво, и преобладание индивидуальности небольшое. Л. спросил: «Что раньше – существование в одно время, как открытый веер, или существование одного за другим?» Но что существует в одно время? Если, например, зрительные ощущения, цвет, то цвет видим, как протяженный, можно ли видеть его непротяженным? Л. думает поэтому, что существование одного за другим раньше существования в одно время, ведь в одно время существует сложное, а не простое. Также последовательность двух звуков раньше аккорда.

Я решил начать новую жизнь. Меня спросили: – Надолго ли? – Ненадолго. До смерти.

Я никогда не покончу с собой. Но лечь на подоконник и выпасть в окно – разве это значит покончить с собой? Вопрос теперь: не как жить, а как дожить?

Может быть, я напоминаю сейчас человека, который, собираясь в дальнюю дорогу, готовится, приводит в порядок свои вещи. Но вещей много, и беспорядок большой, он суетится, торопится, и неизвестно, успеет ли уложить всё вовремя.

Искали первое, что не выводится из другого, но предполагается как очевидное. Но первым будет не то, что предполагается, а что случайно находится. Но то, что я нахожу как необходимое, уже будет предполагаемым, так как необходимость предполагается.

Философия начинается с сомнения. Затем находится что-либо, что кажется очевидным, и возникает теория, причем всегда ошибочная. Где здесь ошибка, в признании чего-либо очевидным или в дальнейшем построении? Теория первой ошибки – это наука об **этом** и **том**.

Явление и вещь в себе – одно и то же до разделения: во мне и вне меня даже представление и вещь – это одно и то же. Но затем разделение на внешнее и внутреннее разделяет представление и вещь. Тождество это надо понимать так: то, что я вижу сейчас и здесь до рефлексии, – это и есть реальность, и ни о какой другой реальности говорить нельзя. Видеть и чувствовать – и значит существовать, и существующее только то, что вижу и чувствую до рефлексии, следовательно, не материальное. Но это не солипсизм, то есть реальность несуществующего выше. Но нельзя сводить это несуществующее к возможному существующему.

В квантовой механике соответствие между математическими операторами и физическими явлениями. Соответствие между принципами квантовой механики и философии. Вообще, есть какие-то основные инварианты или характеры, которые можно обнаружить в самых различных явлениях. Надо искать не законы, но характеры преобразований.

1. Вещь в себе и явление, или существующее и видимость. Сюда же: чистое восприятие и рефлексия. То, что обычно считается непосредственно данным, – уже результат рефлексии. Реально – чистое восприятие до рефлексии, видимость – результат деятельности рефлексии по поводу чистого восприятия. Но чистая чувственность и чистые изолированные ощущения – тоже результат рефлексии. Но реальность в видимости – это чувство присутствия или обладания – иметь. Форма рефлексии – отношение и субстанциальность.

2. Существующее (название), несуществующее нижнее и верхнее.

Реальность неназванного вообще и меньшая реальность, чем названного, того, что только может быть названо и не названо случайно. Постулаты существования:

а. Есть несуществующее верхнее, которое не названо и не может быть названо.

б. Существующее единично и случайно. Существующим могло быть и другое, то есть и другое можно было назвать. То, что можно назвать и случайно не названо, – несуществующее нижнее.

3. Существование как степень высоты. Прежняя и новая системы.

Несуществующее верхнее и нижнее – не субстанции, а постулаты или даже методы. В каждом отдельном случае есть свое несуществующее, верхнее и нижнее.

4. Теория среднего принципа.

5. Мгновенность и длительность. Есть ли какое-либо изменение, развитие или длительность в существующем, либо оно неизменно? Если второе, то мгновение – временной образ вечности. Я имею в виду здесь не несуществующее верхнее, о котором ничего нельзя сказать, и не видимость – результат рефлексии, но реальность (названное). Время – как признак двух первых несоответствий.

6. Относительность знания. Я определяю что-либо не прямо, но называя его **этим** в отличие от **того**. Я определяю одно только относительно другого и не имею непосредственного знания.

7. Список первых несоответствий. Он покажет, что надо постулировать при исследовании *первой разности* (термин Л. Липавского). Но сама первая разность не постулат. Исследование об **этом** и **том** – исследование первой разности.

8. а. Надо исследовать не способность познания, а способ обозначения, так же как квантовая механика исследует операторы.

б. Мгновенную небольшую погрешность в некотором равновесии надо исследовать как преобразование. Если можно исследовать реальность, то надо построить схемы преобразований. Это в науке, в общественных науках или в истории: главным образом характеры преобразований. В философии, может быть, есть одно только преобразование – **это и то**, главное – характеры преобразований.

Предполагается, что направление во времени – от предыдущего к последующему. Каждое сейчас станет предыдущим, и наступит новое сейчас. Но может быть направление обратное. От настоящего мгновения я иду назад, подыскивая ему обоснования, и этот ряд назад бесконечен. Следующее мгновение – и снова я стараюсь обосновать и опять иду назад. Последовательности, идущие назад, налагаются одна на другую, и тогда возникает ощущение реальности времени. Но что значит следующее мгновение?

Можно понять направление от настоящего к предыдущему, то есть назад, а не вперед. Но время я представляю скорее как прямое направление, а не обратное, это и значит, что время течет. Может быть, время – это проекция обратного направления, но трудно сказать на что, так как ощущение движения времени вперед – это уже результат проекции, причем при этой проекции направление меняется, то есть возникает представление о течении времени вместо обоснования настоящего, вместо ряда воображаемых предположений. Существует мгновение – некоторый промежуток. Я ищу обоснование – предположение. Затем другое предположение для обоснования первого и т. д. – ряд назад. Затем я проецирую этот ряд на некоторую реальность. Тогда возникает представление времени, или, что то же, время. В предположениях нет реальности, то есть это только предположения, но проекция реальна. Это различие предполагаемого и реального создает различие направлений, и затем уже я представляю это как прошлое и будущее.

1. Не только движение бывает как бы неподвижное, но и время – как бы непроходящее.

2. Имеет ли время качественные различия, или качественные различия принадлежат тому, что во времени?

3. Если время не существует как сосуд, то ты определишь его как деятельность или что-либо подобное деятельности; или мгновение как деятельность, а время как некоторое отсутствие.

4. Мгновение возникает, когда я обращаю внимание на то, что его нет, то есть когда замечаю время или отличие времени от мгновения.

5. По всей вероятности, измеряется не мгновение, а некоторое истощение мгновения, когда еще сохранилась память о нем.

6. Где искать начало времени? Во времени время не начинается, но в вечности оно тоже не начинается. Возможность времени – это и есть его начало. Также существует не время, но возможность времени.

7. Можно предположить мир без времени – некоторое мгновение – и вечность без времени, но как соединить время и вечность?

20 августа.

Возвращались ночью с Х. от Т. Всю дорогу разговор о том, у кого меньше мыслей осталось. Но, может быть, нет мыслей, потому что потерял способ обозначения или названия мыслей?

Может быть, надо сказать так: нет мыслей, потому что я не записываю их. Конечно, это всё равно: записать, запомнить или сказать, надо уметь удержать их, то есть назвать, уметь назвать некоторые ощущения или наблюдения.

Почему интересно прикосание? Христос исцелял прикосанием. Фома неверующий должен был коснуться ран Христа. Лепесток цветка хочется осязать, то есть прикоснуться. При-

касание к женщине. Мгновение подобно прикосанию. Творение мира я представляю себе как прикосание.

Когда я начинаю отделять время от того, что происходит во времени, время отделяется от времени. Я нахожу время, медленное и скорое. Различие медленного и скорого для времени будет качественным. Я нахожу различные времена, но затем вспоминаю время часов, в нем содержится качественное время. Если же качественное время – это ощущение времени, то ощущение времени находится во времени? Но ведь ощущение времени – это время как-то окрашенное. Затем я нахожу время наблюдателя, время наблюдателя цветка, время наблюдателя за полетом мухи. Это не время цветка или мухи, но время наблюдателя, только зависящее не от наблюдателя, а от других предметов. Как оно соотносится с временем часов? Неясность времени оттого, что помимо одного времени часов есть еще различные качественные времена. Но если бы были только различные качественные времена, то время было бы конечным, при этом это не было бы даже временем, но поступком или действием. При одном же для всех времени тоже не было бы времени, но вневременный порядок или последовательность. Если бы не было времени, прикосание не казалось бы интересным. Прикосание – это прекращение времени, некоторый разрез, начало. Но если не было бы времени, не было бы и прекращения времени. Прикосание останавливает время.

Различные виды возникновения и прекращения: начало и конец, рождение и смерть. Пробуждение от сна, внезапная мысль или наблюдение. Начало мгновения, вообще обращение внимания на что-либо. Истощение мгновения – мгновение кончается незаметно, засыпание. Обморок, постепенное ослабевание, головокружение. Внезапная тошнота – мутит. Смерть от вскрытия вен, истекание кровью. Событие, окончательность, агония, предсмертная мысль, смерть.

Предполагая какое-либо начало, основание или принцип, я необходимо должен буду предположить другой, более высокий, принцип, а ко второму – третий и т. д. Начинать надо со среднего, связывающего частный случай с общим принципом, который может остаться неизвестным. В «Некотором волнении и некотором спокойствии» за среднее я взял **то**, потом средним стало некоторое сомнение. Обладание, прикосание – эти ощущения тоже могут быть средними. Среднее – это случайное и находится случайно.

Прикосание – соединение с чем-либо. Прикосание – критерий существования. Имеющий – тот, кто касается чего-либо. Непрерывность и длительность или мгновенность существования – вот что говорят эти термины. Существующее могло бы быть непрерывным и длительным, если бы не было одного общего для всех времени. Существование качественных времен создает видимость непрерывности.

Закон неоднородности. В исследовании не должно быть одной непрерывной линии. Рассуждение местами должно прекращаться, в определенном месте цепь выводов должна быть оборвана. Мысль не должна быть доведена до конца, стать вполне ясной. Система не должна объяснять всего, что-либо должно остаться вне системы – это последний остаток. Такая система будет неоднородной. Однородная же система, объясняющая всё, пригодная ко всем случаям, неопределенна – это пустая система, она не имеет отношения к прикосанию. Прикосание – это начало. Там, где рассуждение обрывается, где замечается последний остаток, нарушающий систему, там есть прикосание. Поэтому в исследовании должно быть несколько начал и концов, то есть должны быть паузы или остановки. Так же и в искусстве, например в аллемандах Баха.

Я прикасаюсь не ко всему, а только к тому, что мне интересно, что имеет ко мне отношение. Прикосание предполагает некоторый выбор. Имеющее ко мне отношение, прикосание, неоднородное создают вместе среднее, связывающее частный случай с общим. Также они присутствуют в том, что Л. назвал первой разностью.

Д. И., Вы предложили написать о голом человеке: как он одевается, что ест, каких женщин любит. Когда Вы это предложили, я подумал: голый человек ничего не хочет. Вот что я думал: существует ли вообще абсолютное желание, или желание относительно? Засыпая, я чувствую, как постепенно нарушается порядок моих мыслей. Некоторое время я еще могу восстановить его, но затем появляются новые мысли, я уже не думаю, я вижу и сам делаюсь участником каких-то непонятных странных событий. Это приятное состояние. Мне не надо делать усилий, не надо ни говорить, ни думать, я нахожусь в стороне от всего. И самое главное: нет ощущения времени и скуки. Я чувствую себя вестником. Причем всё это происходит со мной и для меня. Бывают сны, в которых сам как будто не участвуешь. Но даже и в таких снах ощущаешь большую связь с тем, что происходит, чем наяву. Сон отсеивает лишнее и ненужное, днем же я живу мелочами, которые когда-то имели смысл, а сейчас уже чужды мне. То же самое, что и при засыпании, было сегодня днем. Я шел по улице и думал о чем-то приятном. И вдруг я заметил: вот сейчас я могу сделать так, что то, что я находил приятным, станет безразличным, но пройдет мгновение – и я буду во власти этих мыслей или ощущений. Приятное, о чем я думал, было связано с желанием. Я думаю, желание можно выключить. Желание является, когда хочешь желать. Но можно ли его выключить навсегда? И не является ли оно произвольно?

У голого человека желание выключено. Но, должно быть, здесь есть небольшая погрешность: может ли голый человек пожелать произвольно?

Меня интересуют вестники. Желания и то, что называли свободой воли, – вот что отличает нас от вестников. Может быть, голый человек ближе к вестникам.

О названиях и знаках. Увидев что-либо, я назвал его – и оно стало. Название необязательно произносится. Достаточно обратить внимание, повернуть голову, это то же название. Я могу смотреть и не видеть, причем я смогу даже повторить всё, что я видел, и всё же не видеть, если не было названия. Например, однажды я слышал, что били часы, но думал о чем-то другом и не сосчитал, сколько раз они били. Когда же они кончили, я захотел вспомнить, сколько раз они били, и по воспоминанию сосчитал. В первый раз я слышал, но не назвал, во второй – назвал, хотя не слышал. Здесь что-либо отделилось от названия.

Умирающий всё видит и всё же не может соединить свои ощущения, он не может назвать те предметы, которые видит; может быть, он должен дать название чему-то другому, что ближе ему, чем окружающие предметы. Название – это некоторое действие, может быть, творение. Если я вижу дерево и говорю: это цветные пятна, – это тоже название; но более сложное название, если я скажу: дерево, – и еще более сложное, когда увижу здесь и вестников. Название невозможно без знаков и без некоторой определенности мгновения. Некоторая определенность мгновения остается, когда мгновение проходит, мгновение же начинает проходить сразу же после названия. Тогда сразу же появляется воспоминание о некоторой определенности мгновения. Первое воспоминание появляется сразу же с названием. Но затем оно повторяется во втором воспоминании, когда мгновение прошло. Назвав что-либо, я дал ему знак – это первый знак. Затем он повторяется – это второй знак. Но от него должен остаться след – например, запись на бумаге – это третий знак. Третий знак – понятие или общее представление, второй знак – единичное представление во втором воспоминании, когда нет восприятия, первый знак – мгновенен. Во сне есть только первые знаки, во сне всё, что я вспоминаю, – вижу.

Существует что-либо и именно сейчас, в это мгновение, но всё остальное, даже другое мгновение, только предполагается. Это мгновение, которое есть сейчас, есть всегда, и я не могу даже сказать, что оно прошло. Я забыл о нем, но вот я снова обратил на него внимание, и оно есть. Оно не было другим и не стало другим, потому что другое только предполагается. Так же всё, что уже записано, относится к прошлому и к тому, что предполагается. Но иногда мне кажется, что это мгновение не новое, что оно повторилось. Это значит, что я не знаю всего мгновения и различно соединяю другое, то, что предполагается, с тем, что есть. Но вопрос

«Существует ли что-либо вне меня и независимо от меня?» лишен смысла. Если бы не было меня, что-либо осталось бы, но оно не было бы названо и не стало бы существующим.

Если что-либо существует, когда названо, то и желание должно быть названо, то есть я должен обратить на него внимание, чтобы оно стало.

Различные виды названий: произвольное, когда мгновение расширяется и его почти не видишь, название больших мгновений, название с выбором, сосредоточенное название, рассеянное название, двойное, когда, например, сосредоточенное название совмещается с рассеянным, и другие.

Чтобы понять мир, я наложил на него некоторую сетку. Но теперь эта сетка скрывает от меня мир. Тогда я должен найти другую сетку, потому что без сетки я его не вижу, во всяком случае, не понимаю. Но прежняя сетка создала некоторую определенность – установившиеся термины, предположения, которые кажутся очевидными. Я здесь не касаюсь истории или истории философии. Последние принадлежат к вещам сомнительным. В каждом мгновении я имею старую сетку, я должен снять ее и построить новую, то есть отказаться от установившихся терминов. Я должен каждый раз начинать сначала. Когда я говорю: каждый раз, каждое начало, каждое мгновение, – в этом есть погрешность: ведь начало и мгновение только одно, и нет «каждый раз», а только один раз. Но иначе я не могу передать разнообразие мгновения. Снятие старой сетки, начало новой – рождение души.

Я должен снять старую сетку и построить новую. Какое между ними отношение? Если я оставляю те же границы между предметами, то это не будет новой сеткой. В новой сетке я должен найти новые предметы. То, что в старой сетке было способом, свойством, отношением или признаком, в новой может стать предметом; также предмет может оказаться отношением или свойством. Я наложил некоторую сетку на мир или, лучше, на мое отношение к миру. В результате этого наложения что-либо, что я имел непосредственно, разделилось. Одно я назвал предметом, другое – свойством, третье – отношением. Новая сетка изменит отношение не между предметами, а между предметом, свойством, способом, отношением. Например, сейчас я сижу за столом. Я слышу шорохи и шумы – это относится к изменениям и происходит во времени. Но сейчас я не воспринимаю времени, и, например, шум уходящего трамвая я ощущаю как неподвижную линию. Я заменил одну сетку другой, и звук и движение стали предметом. Сколько раз это происходит? Только один, это происходит сейчас. Но мне будет казаться, что это уже происходило.

Таким образом, различие между старой и новой сеткой существенное. Старая сетка всегда ложная. Она необходима только для того, чтобы было что снять и заменить новой. Заменить старую, всегда ложную, сетку, новой – это и значит почувствовать мир. Что мешает этому? Во-первых, вера в старую сетку. Затем вера в существование времени, пространства и движения. Например, время – это некоторая сила, которая противостоит моим желаниям. Но это не что-либо существующее, скорее время – это некоторый недостаток, отсутствие, неумение видеть. Это сила отрицательная, сила отсутствия. Затем вера в существование целого, то есть чего-то, чего нет в мгновении, но предполагается где-то существующим.

Теперь я перехожу к некоторым предположениям. Положим, я снял старую сетку и наложил новую. Я исследую новую сетку. Я заменил одну сетку другой раньше, теперь же в этом мгновении у меня уже снова есть сетка. Какая? У меня всегда есть только одна – старая, ложная сетка, и всегда я заменяю только одной, новой. Всякая сетка, которая есть, – целое, но целого нет, есть только одно это мгновение. Я должен был ввести это предположение, потому что в мгновении кажется, что уже были другие мгновения, хотя мгновение одно. Замена одной сетки другой – это и есть мгновение, и оно подобно сотворению мира. Всегда это происходит сейчас, и каждый раз, когда происходит, это происходит только один раз. Здесь есть некоторая неточность речи: я говорю «каждый раз», хотя происходит только один раз. Говоря «каждый раз», я имею в виду не число, а только мое отношение к мгновению.

Замена одной сетки другой – это мгновенное название чего-либо. Что-либо, еще не названное, не существует. Но также нельзя сказать, что его нет. Оно не существует, потому что изменится отношение между способом, предметом и существованием, между существованием и несуществованием. До названия еще не определено само существование. Нельзя сказать, что его нет, потому что в нем есть некоторое существование, только еще неопределенное; существующим в чем-либо неназванном может стать одно, а может и другое. В чем-либо неназванном и несуществующем существование переходит с одного места на другое. И в этом есть некоторая неточность. Переход предполагает какое-то движение, но нет никакого движения. Что-либо начнет существовать, когда я назову его или прикоснусь к нему, и существует только в это мгновение.

Два отношения к существующему: длительность и мгновенность. Первое предполагает существование каких-то способностей: понимания, познания и т. д. Если же существование мгновенно, тогда есть знаки, названия, способы обозначения. В квантовой механике – операторы, соответствие между математическими операторами и физическими явлениями, в философии исследуются знаки, способы обозначения, соединение знаков с чем-либо.

Может быть, есть способность обозначения? Нет, так как и я сам называю себя, существую как знак чего-либо.

Если одна сетка заменяется другой, если то, что было способом или отношением в одной сетке, станет существованием в другой и что-либо несуществующее, получив название, существует, то нельзя уже говорить, что несуществующего нет, граница между существованием и несуществованием непостоянна. Что-либо из несуществующего существует, что-либо может существовать, и другое не существует и не может существовать. Таким образом, несуществующее шире существующего и есть как существующее, так и несуществующее.

В отношении к чему-либо, в прикосновении, в снах, в больших мгновениях, в ограничении чего-либо, в переходе от способа к существованию я встречаюсь с несуществующим.

О несуществующем можно говорить только как о границе существования, эта граница переменная, она переходит с одного места на другое, то расширяясь, то сужаясь. Несуществующее – это не **то** к любому **тому**. Поэтому всякое несуществующее, о котором говорим, может стать существующим. Но тогда какое-либо существующее станет несуществующим. Но есть несуществующее, которое никогда не станет существующим, какой-то источник несуществования, о котором ничего нельзя сказать {это как черная дыра в физике}.

Кант наложил запрещение на некоторые предметы. Но нет постоянной границы между предметами, способом и обозначением. Надо воздерживаться от суждений о неназванном несуществующем. Но если оно не названо, то о нем и невозможно рассуждать; если же я назову его, то оно перестанет быть неназванным, это не то несуществующее, о котором запрещается рассуждать. Таким образом, запрещение не может быть нарушено и при желании.

Определенное, что дала философия за 2000 лет, – это только один вопрос: как понять небольшую погрешность в некотором равновесии? Но ответа не дала. Ответы, которые она дает, например Кант в трансцендентальной дедукции категорий или Аристотель в потенции и акте, недостаточны. Но еще раньше в Библии: в начале Бог сотворил небо и землю. Один философ отличается от другого только формулировкой этого вопроса; потому что ответ уже заранее предустановлен формулировкой вопроса, часто даже одним термином. Термин – это недоказанная теорема. Но все предложенные доказательства несостоятельны. Ответ дается отрицанием доказательства.

Сон. Пришли покойники. Живых они узнавали, а друг друга нет, хотя при жизни были знакомы. Я спросил, почему они не знают друг друга. Один из них сказал: «Нас распределяют по роду смерти, кто умер от чумы – в одном месте, кто по другой причине – в другом. Мы из разных мест».

1937

Август

Дорогой Д. И. Вестники покинули меня. Я не могу даже рассказать Вам, как это случилось. Я сидел ночью у открытого окна, и вестники еще были со мной, а затем их не стало. Вот уже три года, как их нет. Иногда я чувствую приближение вестников, но что-то мешает мне увидеть их, а может быть, они боятся меня. Мне кажется, надо сделать какое-то усилие, может быть небольшое, но при этом солгать, и вестники снова будут со мной. Но это отвратительно: лгать перед собой и перед вестниками.

Раньше я думал: может, вдохновение обманывает меня. Ведь я философ, надо писать, когда спокоен и нет желаний. Я думал написать словарь или собрание исследований, и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его». Теперь, когда нет желаний, нет вдохновения и вестники покинули меня, я вижу, что писать и думать не о чем. Но может быть, я не прав, может быть, сегодня день такой – я чувствую близость вестников и не могу увидеть их.

1939

Есть ли во сне действие? Может быть, весь сон снится сразу? Когда мне снилась дорога, я видел сразу и всю дорогу, и дом, мимо которого должен был пройти, и сад или парк, куда я шел. Сон напоминает задачу, которую некоторое время обдумываешь, прежде чем решить. И во сне, как и в задаче, от последующего сна возвращаешься к предыдущему: во сне время обратимо, скорее, вообще нет времени.

Я шел в школу и вдруг заметил: от трамвайной остановки недалеко, а я иду долго, совсем как во сне, не сплю ли я?

Инстинктом называли различие пространств, например муравья или человека.

Вечером и ночью с 10 на 11 июня в первый раз тени – на потолке. Когда они явились во второй раз, я, почувствовав приближение страха, сказал: чего же я боюсь, ведь я философ, – и страх прошел. Потом я смотрел на них без страха. В последний раз они были с 6 на 7 июля. Когда я их увидел, то подумал: ну вас, скучно. С тех пор они пропали совсем. Если это только галлюцинация, то я прекратил ее усилием воли. Мне кажется, я не мог бы сойти с ума. Х. – тоже, а Л. может.

Стремление к смерти так же естественно, как и страх смерти, – гробополагатели, саможжение, удовольствие от боли: например, когда зуб шатается и болит, но несильно, приятно надавить и ощутить боль, которая при этом усиливается, так же чесание при зуде.

Днем иногда бывает, что несколько секунд, а иногда и дольше не можешь отличить, сон ли это или нет.

В искусстве мне нравится то, что красиво {то есть правильно, как говорил В.}, в природе же красиво то, что мне нравится, и я не требую, чтобы все это признавали. Абсолютность критерия в искусстве и субъективность – в природе. Может быть, мне нравится в природе то, что устанавливает некоторую связь между мной и природой.

В саду на высоком столбе стоит фонарь. Вечером на фонарь летели какие-то насекомые, вроде маленьких стрекоз, и сгорали. Земля вокруг фонаря наутро была белой от них. Должно быть, их смерть была приятной, как припадок эпилептика.

Въезд в город в «Мертвых душах» или сороки в «Местечке Сегельфос» Гамсуна – иероглиф (термин Л.). У Баха иероглиф – мотив и тема, вернее, идея мотива, потому что интервалы могут изменяться, сохраняется только направление вверх или вниз.

Когда человек умирает медленно и перед этим долго болеет, вот что страшно: каждый день ухудшение небольшое, и поэтому даже кажется, что становится лучше; но вдруг вспоминаешь: неделю назад он мог подняться, а теперь – только повернуться. Но затем забываешь, а через некоторое время с ужасом замечаешь, что уже и повернуться человек не может, только голову приподнять. И уже в первый раз видишь неизбежность.

Так же и конец мира.

Может быть, он будет приближаться год и обязательно (наступит) в жаркое время: начнется в июле и кончится в июле. Начнется, может быть, так: из окна или на улице я увижу человека, который ничем не отличается от других, кроме походки, – он идет немного медленнее и сосредоточеннее других. На таких людей всегда обращаешь внимание и сразу же забываешь об этом. Так будет и тогда. Другие его тоже увидят и обратят внимание и сразу же забудут, причем здесь не будет никакого чуда, потому что в разных местах он будет появляться в разное время. Когда я увижу его во второй раз, я не удивлюсь, может, даже не вспомню, что уже видел его. Но через несколько дней я увижу его в третий раз, и тогда, может быть, мелькнет мысль, что этого человека я уже видел, но затем снова забуду. Такие встречи будут повторяться две недели с первого по 15 июля. После последней встречи возникнет смутное беспокойство, но затем встречи прекратятся на две недели. В первых числах августа его уви-

дят снова. Первая встреча вызовет некоторое удивление и даже радость, как это бывает, когда возвращается что-либо привычное, но при следующих встречах беспокойство будет расти, и оно перешло бы в страх, если бы 15 августа встречи не прекратились. Бывают такие ощущения, что, как только сосредоточишься на них, они пропадают, но только перестанешь думать о них, они снова есть. Так будет с ощущением страха в это время. Говорить об этом человеке не будут, потому что такие разговоры покажутся глупыми, как глупо бывает говорить о слишком смутных предчувствиях и ощущениях. Но по выражению лиц, когда его будут встречать при мне другие, – может быть, его будут стараться обходить, не задев, – или, когда речь пойдет о людях, боящихся пространства, мне вдруг покажется, что и другие обеспокоены этими встречами. Но никто не спросит другого, потому что глупо спрашивать, когда для этого нет никаких оснований: нет ли у вас предчувствия, причем даже неизвестно чего. 15 августа встречи прекратятся, и через несколько дней все успокоится, только останется некоторая сосредоточенность, немного больше обычной. Но в первых числах сентября встречи снова возобновятся, и при первой встрече появится страх. Но и это еще предчувствие настоящего страха. После нескольких встреч, где-нибудь, где соберется много людей, а может быть, и в каждом доме кто-то случайно скажет, вспоминая какое-либо событие: это было, когда появился человек, идущий медленно. И вот это будет страх. Человек, который это скажет, остановится, и все поймут, что случилось что-то страшное и непоправимое и что все это уже знают. Но затем перейдут к обычным делам, и разговор на эту тему будет считаться неприличным, но постоянный страх уже не будет покидать людей. Дальше заметят, что появилось уже много людей, идущих медленно, и будет казаться, что некоторые из знакомых тоже стали ходить медленнее. Может быть, заметят, что и трамваи, и поезда идут медленнее и день стал длиннее. Об этом нельзя будет говорить, но власти, желая успокоить население, будто бы случайно будут сообщать в газетах скорости трамваев, поездов и аэропланов, которые будто бы даже немного увеличились, также астрономические факты, чтобы доказать, что длина суток не изменилась. Это будет просто останавливание движения, но никакая наука не сможет подтвердить это, потому что и часы будут идти медленнее. Затем станут появляться приметы, но опять без всякого чуда и такие, что их даже нельзя принять за приметы, например, вода в Неве иногда опускается ниже среднего уровня, но затем возвращается к среднему уровню, теперь же не вернется или вернется, но на несколько сантиметров ниже. Или вечером выпадет сильный снег, а за ночь весь стает. Тут уж будет такое состояние, что малейшая, хотя бы и естественная, неожиданность будет страшной. Весна наступит очень рано, и погода будет хорошая. Март, апрель, май будет яркое солнце, иногда же дожди, но непродолжительные, пасмурных дней не будет. Но все уже видят, что движение замедлилось, даже птицы летают медленнее, и некоторое благополучие в природе и неблагополучие у людей еще больше увеличит страх: сильнее почувствуется неизбежность. Помимо того, будет пугать предчувствие жаркого солнечного дня и синего неба. Страх дойдет до такой степени, что уже перестанут отличать естественное от неестественного. Затем, уже в начале июня, утром все вдруг увидят, что солнце стало больше. И весь июнь будут стоять жаркие солнечные дни, и если и будут дожди, то только для того, чтобы люди не умерли раньше времени. А в июле случится светопреставление.

Страшно постепенное ускорение, особенно же замедление, то есть когда что-либо происходит со временем, причем когда это происходит почти естественно, то это страшнее неестественного.

Сон о смерти. Это был сон-рассуждение. Я понимал, что это еще не смерть, но всё, что я думал, – происходило. Если бы я подумал, что умираю, то умер бы. Мне показалась особенно страшной смерть от водяной собаки, стаи которых появились в Ленинграде; они плавали по Неве, выходили на берег и бросались на людей. Я сидел на столбе на Неве, довольно высоко, и думал, что я в безопасности от собак. Но затем я увидел, что собаки заметили меня и под-

плывают. И вдруг понял: подпрыгнув, собака схватит меня за ногу, и был страх падения и неизбежной смерти.

Я ощущаю, как болезнь бросается во мне, то в голову, то в сердце, сейчас в ноги. Болеет не нога, не голова, а весь человек, и это уже последняя стадия, когда болезнь локализуется в определенном месте. Но и тогда еще некоторое время, а может, и всегда надо лечить не одно место, а всё тело. У некоторых болезнь локализуется быстрее и имеет излюбленные места, у других она долго не находит себе места – эти люди кажутся болезненными или слабыми, но живут дольше.

2 ноября.

Генрих Шютц (Schütz). Страсти по Матфею и Иоанну.

Я назову слоями различные состояния наяву и во сне. В каждом состоянии всегда имеется несколько слоев, и явных, и сонных. Можно ли найти простые слои, инварианты отношений между событиями, действиями и впечатлениями каждого слоя?

История небольшой погрешности. Раньше небольшая погрешность была действительно недостатком в некотором равновесии, и случайно этот недостаток благоприятствовал исследованию. Небольшая погрешность – это уступка, некоторое отступление. Но затем погрешность возведена была в достоинство. Небольшая погрешность материализовалась. Философы, делавшие открытия, опровергают естественный материализм, их ученики снова восстанавливают его с помощью терминов учителя, заканчивая его систему. Завершенная система – это материализм.

Закон неоднородности в музыке: у Баха почти в любом такте – ноты различного характера (логический акцент, эмфазис и т. д.), пересечение нескольких линий, два конца. У Бетховена же – однородные ноты на протяжении нескольких тактов, например при нарастании. Нарушение некоторого плана создает неоднородность, а сложный план (например, сложный модуляционный план у Бетховена) только усиливает логичность.

В литературе: «И купите ему сосновый гроб, потому что дубовый будет для него слишком дорог». Здесь неоднородность в изменении направления, мы ожидаем: потому что он умрет. Это было бы прямое направление.

В «Воображаемом собеседнике» Пётр Петрович умирал несколько месяцев. Умирание заключалось в том, что он стал думать о смерти. Первая стадия умирания – до прихода воображаемого собеседника. Вторая – разговоры с воображаемым собеседником. Это оказалось интересным и приятным. – Но затем показалось всё неинтересным. Признак третьей стадии – отсутствие обид и злобы. Это уже не живой человек, когда не трогает.

Тридцать лет тому назад на окраине города ходили автобусы или омнибусы и паровики. В городе они не ходили, в городе ходили трамваи и конки. Была граница города с определенным признаком: паровики. За этой границей начиналась природа. Пятьдесят лет назад была другая граница, но тоже была. Сейчас город не отличается так от окраины и природа не чувствуется.

Против меня сидит сумасшедший. Он не владеет движениями головы, рук и туловища. Возможно, что каждая мысль не доводится до конца, но заканчивается неопределенным, бессмысленным движением. Законченная мысль вызывает какое-либо разумное действие, у него же смутные обрывки мыслей заканчиваются неопределенными движениями.

Из четырех стихий вода – это мудрость и это стихия Баха. Например, Crucifixus. Почти в каждой вещи есть несколько тактов с волнообразным ритмом.

Одну и ту же арию Бах повторяет в различных вещах. Она имеет различное значение. Это ощущение целого. Иногда неважно, что вставить, надо между двумя кусками вставить третий. { Я это понял, когда вставил отдельные части из «Критерия» в «Принадлежности». При этом небольшие изменения совершенно меняют вставленные части. В «Критерии» правильно поставлены некоторые апории. Но к концу каждой – разрешение, этим уничтожается смысл

апории. Так композитор, сочинив хорошую мелодию, может быть тем и хорошую, что она не укладывается в четырех тактах, неожиданно к концу четвертого такта обрезает ее. }

В речитативах Шютца не указана длительность нот. Но это и не надо, в особенности в «Страстях по Иоанну». Длительность указывается произношением, эмфазис же к концу – нарушение плавной речи, и опять здесь не так важен способ нарушения, важно само нарушение. Если речитатив большой, то он разбивается на части, и снова внутри части ничего не происходит, важен конец. У Баха более мелкие куски и связь между отдельными кусками больше, но соотношение частей и значение конца еще напоминают отношение Шютца к речитативу.

Сон о чуде: как чудо бежало и я скрыл его от властей, которые хотели уничтожить его.

Просматривая дневник: с чего началось банкротство? С усиления одиночества или солипсизма, причем солипсизм и смерть оказались близнецами. Если бы смерть не наступила, всё равно было бы банкротство. Вторая часть – это первая попытка собрать обломки. Собрание начинается в третьей части, но затем снова всё распадается. Четвертая часть так неприятна, потому что это еще большее разложение, чем было раньше. Там распадение потому, что я дошел до какого-то предела – солипсизма, здесь же уже полное распадение и ничего объединяющего не видно.

Счастье, время, сон, смерть и еще чудо – вот темы этого дневника.

1940

{Тетрадь 1940–1941 вызывает у меня сейчас какую-то симпатическую антипатию или антипатическую симпатию. Но именно в том, что там неприятно, глупо и даже пошло, я вижу Провидение, руководившее мною всё время, несмотря на мою глупость, пошлость и жестоковыйность. И всё же я хочу переписать ее, частью выкинуть и частью исправить. Почему и зачем? Может быть, здесь есть и мелкие, тщеславные мотивы – не знаю, но главное, мне кажется, не это: я хочу освободиться от неизвестного мне беса, мучающего меня уже больше месяца, сдвинуться с какой-то мертвой точки; это значит: что-то понять, понять себя, понять Провидение, руководящее мною. К тому же в июне-июле 1941 года произошел очень существенный для меня сдвиг. Исправлять я буду очень мало, в некоторых рассуждениях, очень неприятных мне сейчас, слово **ты** заменю словом **я** или безличной формой, некоторые слишком личные, причем не ноуменально личные, а феноменально личные, то есть не абсолютно-субъективные, а субъективистские, выброшу. Дополнения или возражения себе самому буду заключать в квадратные [в наст. изд. – фигурные. – *Примеч. ред.*] скобки.

14. III.1967. }

1940

Август

Последние годы каникулы проходят быстро и незаметно, а удовольствия нет. Раньше прелесть их была в неторопливости, лени, покое и в ночных писаниях. Сейчас этого не было. В первой половине июля еще надо было бывать в техникуме, что омерзительно, а затем заболел. Да и всё равно не было бы прежней прелести, что-то ушло. Зато был пересмотр – генеральное очищение, а теперь в Келомякках почувствовал природу и снова писал: «Рассуждать – не рассуждать» и «О состояниях жизни».

Последний мой припадок у Д. И. закончился довольно глупо: скорая помощь, больница. Д. И. говорит, что я ходил на четвереньках, стараясь запрятать голову под стол, под фисгармонию, под подушку, и напоминал одержимого бесом. Я ничего не помню.

Вдохновение пришло после болезни, когда я был еще слаб, здоровье – после природы и двух дней у Нади с Т., при этом вдохновение ослабело. Теперь же проходит и то и другое, но я продолжаю разыгрывать из себя здоровяка.

Я был с Д. И. в Эрмитаже, он говорил, что теперь, когда пришло вдохновение и здоровье и начало сделано («Рассуждать – не рассуждать»), ответственность лежит на мне и я сам буду виноват, если ничего не выйдет. Кажется, ничего не выйдет.

Великий классификатор.

Был у Л. Он без воротничка, приятен, в нем есть и мужественность, и некоторая трогательная детскость – качества, привлекающие женщин. И у Д. И. это есть, а у меня – ни того ни другого.

В августе, уже после каникул и после вдохновения, были две недели покоя: чувство, женщина, природа; море, волны, прибой, ночь, птица с сломанной ногой, лошадь, заглянувшая к нам в окно, Нерка и Иван Иванович, страх природы.

Три состояния жизни:

Первое: Бог, смерть, бессмертие, время, я.

Второе: человек.

Третье: природа.

Второе {у меня} нечисто и пусто.

К состояниям природы и жизни относится и смерть животных и ужас природы. Но, может, каждое состояние жизни ведет к состоянию смерти {или в первом, в глубине, заключено второе}, например состояние молчания, состояние прибрежных жителей («С богом, в дальнюю дорогу»). Состояния жизни стоят перед состояниями смерти, создается недоумение. И такие состояния, как состояния молчания, дыхания и воды ближе к состояниям смерти, чем смерть животных и тихое угасание в природе. Эти – естественные, а те – на границе, за которой состояние смерти.

Ш. рассказывал мне, как Д. И. передал ему историю с Неркой и Иваном Ивановичем: стая одичавших собак терроризировала Келомякки. Друскины пошли в лес, уладили стаю собак и привели ее домой.

В Вырице в ожидании поезда: среди белых и серых облаков проходило красное, напоминавшее птицу вроде пеликана, и это было интереснее того, что говорил П. Я. о человеческих взаимоотношениях.

Глупость Сократа: деревья ничему не могут научить меня, а люди могут. Так ответил он на вопрос, почему всегда живет в городе.

Келомякки ночью: ошибочность или неопределенность разделения всего на две категории. {Взаимность: всё и определенное противоположение, то есть если исходить из понятия

всего, то дихотомическое разделение – контрарное, и если исходить из контрарного дихотомического разделения, то придем к воображаемому понятию **всего**. }

Келомякки в лесу: в «Разговорах вестников» я писал, что меня интересуют деревья, их ствол, корень, расположение, сад, дождь. Теперь я написал бы: меня интересуют грибы, вереск, древесные лишай.

Келомякки на пляже: сумерки, ветер, волны. Море как свинец, и вообще противно, но ночью снова хорошо.

Сумерки и вечер в природе тоскливы, но ночь спокойна и даже не страшна. Сон деревьев. Классификация состояний жизни.

До Георга искусство мысленных опытов. Апории. После Георга нечистый стиль.

Некоторый порядок моей жизни – 4 состояния: мама; Т; философия; некоторое удобство {под этим я понимал не комфорт, а некоторый покой, бездействие, неторопливость}.

В Розанове хорошо некоторое совмещение ума и чувства: ум, доброта, мелочность, приятность или очарование, хитрость, человечность, понимание, особый взгляд, направление ума и интерес: бабочка – энтелехия гусеницы и куколки; мумии египтян – куколки – погребальный обряд. Его книги – не философия, не искусство, а он сам, изменчивый, то один, то другой.

1941

29 апреля.

Завтра я еду в Келомякки и останусь там ночевать, и это почти страшно. Во-первых, то, что я буду один, во-вторых, то, что я буду спать не в своей комнате, и, в-третьих, природа.

У прибрежных жителей небольшие расстояния, но для меня переход к ним через бесконечность. Ритм природы ограничивает расстояния, я же вижу здесь только бесконечность ударов: прибоя и отбоя. Страх перед завтрашней ночью – это страх смерти. Страх смерти может освободиться от некоторой определенности, то есть я могу и не думать, что сейчас умру, но страх, который у меня есть, – страх ночи в чужом доме и в природе, – это тот же страх, что будет при смерти. Элементы страха смерти присутствуют всюду, не связанные уже непосредственно со смертью. Природа уменьшает этот страх, но до этого должно произойти какое-то перемещение – сдвиг, должен быть преодолен страх смерти. Может, природа не уменьшает страха смерти, а только отвлекает, подчиняя своему ритму? Но я не могу ему подчиниться, и для меня получается круг: природа уменьшает страх смерти, но для этого должно что-то произойти, чтобы она не увеличила его.

Сегодня я прочел: когда не любишь, но воображаешь, что любишь, то уже любишь. Когда любишь, но воображаешь, что не любишь, – любишь меньше. Так вот: ритм природы, уменьшающий страх смерти, – это не зависит от меня. И если он увеличивается, потому что я вижу бесконечность периодических ударов, то это уже абсолютное. Если же всё зависит от перемещения – сдвига и если этот сдвиг возможен в обе стороны, а не только в одну, от ощущения ритма природы к потере его – к ощущению бесконечности периодических ударов, то это личное – механика ощущений, чувств, страстей. Сдвиг, возможный в обе стороны, – это обратимость движения. Вот страшное: если А, то В, если В, то С – пример некоторого рассуждения. Событие С вызвано событием В, событие В – событием А. Установив это, я нахожу некоторое удовлетворение. Но затем оказывается, что возможно и наоборот: если С, то В, если В, то А. Здесь страшно не то, что я не знаю, а именно то, что я знаю, что может быть и так, и иначе. В смерти и в событии страшна необратимость, здесь же уже другая область, как бы после смерти, и после смерти страшна обратимость. То есть страшно воскреснуть, когда умер совсем. Какое-то непонятное направление к ужасной цели, оно страшно своей необратимостью, но после достижения цели страшна обратимость. Когда я представляю себе воскресение, всегда думаю о некотором возвращении – это страшно, не страшно было бы совершенно новое воскресение. Задача религии: найти принципы нестрашного воскресения. (Оно уже найдено: Христос.) Такой же страх, как при мысли о воскресении, бывает при некоторых воспоминаниях, причем страшны те воспоминания, которые сейчас не связаны со мною, например воспоминание о женщине, которую любил очень давно. Здесь уже теперь есть границы, это воспоминания после смерти. Но можно предположить и другое: воскресение – как в моем сне о смерти. Тогда после воскресения меня не будет трогать жизнь до смерти. Но и это воскресение чуждо мне. Может быть, самое страшное – это представить себе, что всё, что сейчас происходит, – это сон.

В моих припадках три стадии: 1. Озноб, потягивание (томление). К концу – головная боль. 2. Жар. 3. Пот. Первая стадия начинается незаметно. Чуть знобит, но это бывает и без припадков. И затем вдруг я замечаю, что потягиваюсь. Это значит: томит и уже припадок. После одного из наиболее сильных приступов томления и последующего потягивания внезапно томление пропадает и появляется жар. Иногда бывает один или два рецидива томления, но всегда после них внезапный переход ко второй стадии – жару. Во второй стадии жар, головная боль и легкая тошнота или просто странное ощущение во рту и желудке. Обычно это состояние приятно, вчера же тошнота была сильнее, и это было мучительно. В этом состоянии я засыпаю

и просыпаюсь в третьем – от обильного пота. Обычно второе состояние бывает недолгим, я скоро засыпаю, вчера же оно было продолжительным, а третье – пот – недолгим и слабым.

Томление и резкая грань в переходе к приятному жару – вот главное в моем припадке.

Все события можно разделить на две группы так:

1. Незаметное постепенное начало – внезапное узнавание обреченности – смерть.
2. Внезапное свободное усилие – мгновение – постепенное исчезание.

Смерть и мгновение.

Томление и резкий переход к приятному жару, так же как мой сон о смерти, принадлежат к явлениям типа смерти, и оба имеют вторую часть – после резкой грани – ту, которая в случае смерти неизвестна.

Смерть – непрерывное движение до смерти, обреченность, неизбежность; ослабление сил; распуститься – вот цель в смерти, сама смерть; цель – в конце.

Мгновение – разрыв непрерывности в начале, свободное начало – соединить, сжать; цель – в начале.

Судороги в горле, или спазмы, – какого типа?

Что-то подступает к горлу, сжимает, мешает мне играть. Когда это бывает в более сильной форме – в слабой почти всегда, – я почти теряю ощущение ритма и времени – играю неровно. Пение во время игры помогает избежать этих состояний, так же некоторое расслабление – смотришь вперед или вверх. Это тип смерти.

Июль

Геометрические таблицы-схемы Кутюра. «Логика отношений» – читал ее в очереди за противогазами.

Свобода в том, что заранее неизвестно, сумею ли я выйти за свои пределы, то есть осуществить себя. Кто не вышел, может, не получит бессмертия.

Шесть сфер жизни – выхода или распространения за свои пределы, то есть реализация права на бессмертие.

Шесть способов распространения: страсть (Апокалипсис Иоанна: «Горе вам, что вы не горячие и не холодные, а теплые»), чувство, беспристрастие, воля, отсутствие чувств, бесстрастие. Это шесть добродетелей. Им противопоставляются шесть пороков: отсутствие интереса («теплый», по Апокалипсису), черствость, пристрастность, или ограниченность, мелочность, то есть мелкий характер, чувствительность, похотливость. {По-видимому, под волей я понимал не свободу воли или свободу выбора, а может быть: «власть имеющий», «Царство Небесное силою берется».} Границы шести способов не вполне совпадают с границами шести сфер. Можно говорить только о преимущественном для данной сферы способе.

Вот седьмая общая добродетель: некоторая нерешительность и бездействие {то есть некоторое сомнение и воздержание от суждения, может быть: пусть будет не как я хочу, а как Ты хочешь}; и седьмой общий порок: распутство – разложение личности.

Классификация

Сферы жизни: пол; искусство; рассуждение.

Добродетели: страсть; чувство; беспристрастие.

Пороки: отсутствие интереса; черствость; пристрастность.

Продолжение, или аналогии

Сферы жизни: власть; мудрость; святость.

Добродетели: воля; отсутствие чувств; бесстрастие.

Пороки: мелочность; чувствительность; похотливость.

Пусть будет четыре состояния, или термина, в которые можно вложить любое содержание (например, политическое):

А – сохранение традиций, В – нарушение традиций, С – нарушение нарушения традиций – смута, D – восстановление традиций.

А – некоторый порядок, красивая жизнь, чувства и традиции, способствующие поверхностному исследованию. Определенные реальные состояния обозначаются отвлеченными терминами. Злоупотребление словами: Бог, вера и другими. Красивая жизнь побуждает к благородству, великодушию, достоинству.

В – оголение жизни. Вместо отвлеченных терминов – конкретные. Чувство смерти и чувство Бога реже, но реальнее. Разоблачение красивой лжи. В состоянии А – ощущение реальности жизни, несмотря на отвлеченность терминов. Реальность этих терминов оправдывают в состоянии В, но только немногие. В состоянии В – реальность терминов и отвлеченный, идеальный строй жизни. Но идеальность его проверяется в следующем состоянии – С.

С – животный страх смерти, самосохранение. Немногие сохраняют конкретность, или реальность, состояния А, идеальность состояния В. В состоянии В есть мерзость запустения, тогда немногие найдут идеальность жизни. Но уже после этого, в состоянии С: «Находящиеся в Иудее да бегут в горы» и «люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий». В: «Военные слухи, но не ужасайтесь, это еще не конец». С: «Тогда будут двое в поле...»

D – цинизм, материальность жизни. {Л. говорил: контрреволюция и реставрация будут бесстыднее и циничнее революции.} Только немногие сохраняют реальность состояния А, идеальность состояния В, апокалипсичность, эсхатологическое очищение состоянием С. Три последних состояния по времени короче первого. Я рад, что мне удалось жить в них.

В состоянии А легче всего добиться права на бессмертие, но так много соблазнов и украшений жизни, что при проверке немногие получают его. В состоянии В труднее добиться этого права, но при проверке останется больше. О состояниях С и D я пока ничего не могу сказать.

Что можно сейчас делать? Во-первых, заботиться о своем спасении, не думая о других. Это умно, но не очень красиво. Во-вторых, заботиться о своем спасении и о спасении других, хотя бы близких. Это умно и красиво. В-третьих, заботиться о спасении других, не думая о себе. Это красиво, но насколько умно – не знаю. Эти три возможности для меня отпадают. Я не могу спасти ни себя, ни других. Остается еще множество возможностей, но реальных для меня, кажется, четыре:

1. Молиться. Но для этого не хватает веры, слабость веры.

2. Жизнь ради удовольствий. Но это измена всему. Я не говорю, что откажусь от удовольствий, если они встретятся на моем пути, для этого не хватит веры, но изменой не будет. Но изменить путь, особенно сейчас, – противно. Это предательство. И не очень умно.

3. Паника. Ужасаться зверствам. Забыться. Это неумно и некрасиво.

4. Писать «Логический трактат». Это я и делаю.

Вчера был большой налет на Москву. Может, сегодня будет на Ленинград. Поэтому я хочу записать: Т. Всю ночь сны, но логика их обратная. Я жду чуда.

Чуда не было.

Чудо есть, присутствует в мире, все видят, но не хотят замечать, не хотят видеть. {Но ведь это же самое я чувствовал летом ночью 1963 года. Удивительно, как многое, что стало через 20 или 30 лет, было уже тогда и даже в этой симпатически антипатичной мне тетради обнаруживается, хотя еще не очищенным, в какой-то неприятной мне шелухе, в каком-то мусоре.}

Философия

1. Правое и левое искусство: не досидеть или пересидеть.

2. С чего начать?

а. Философия – чудо. Ничего не изменилось, но я могу совершить чудо. Этого достаточно. Если я могу совершить чудо, мне уже не надо совершать его.

б. Радость от философии, удовольствие от фиксации – то есть сделанной вещи. Философия – это арифметика вестников.

в. Небольшая погрешность. Небольшой погрешностью будет уже это начало, как и всякое начало того, что есть.

г. Учение об **этом** и **том**. Но это уже сама философия.

3. Я отвергаю все четыре пути: первый, так как чудо будет видно в конце. Второй, так как радость будет в самом философствовании. Третий, так как погрешность есть уже в самом начале. Четвертый же, как сказано, это уже сама философия. Вместе с тем это будет признанием всех четырех путей. Я начну с последнего. Что **это**? **Это** – название чего-то другого, скажем к некоторому подлежащему. Может, это и дает начало философии; исследовать формально, просто технически, каким образом что-либо называется **этим**, – задача логическая.

4. Затем второе: радость от философии. Это радость от установления некоторых соотношений, от некоторой устойчивости. Затем еще одна радость, о которой я скажу сравнением. Христос засушил смоковницу за то, что она была бесплодна. Так вот, философия дает радость от некоторого плодородия. Сопоставление некоторых вещей, некоторые неожиданные возможности, вытекающие из этого сопоставления, – это и есть плодородие и радость философии. Если же больше радости даст то, что вначале покажется менее интересным, то и об этом есть в Евангелии: «Блаженны нищие духом».

5. Третье: небольшая погрешность. Об этом я скажу коротко: небольшая погрешность присутствует всюду, как душа в теле, не занимая определенного места.

6. Первое: чудо. Я не буду говорить о таких вещах, как перелет птиц, ум и знание муравьев, инстинкт, я не буду говорить о соответствии некоторых слов реальности, об общем мнении, которое, как сетка, покрывает реальность, чудо же заключается в небольшом сдвиге этой сетки, я буду говорить о чуде мысли и пространства. Мгновенность и непрерывность – сопоставление и совместимость этих двух вещей – вот чудо.

7. Зенон и Бергсон. Бесконечная делимость пространства и времени. Где предел? Предел во мне самом. Я мыслю, следовательно, существую – неверно. Я мыслю, следовательно, есть **мое**. Степени моего: мир, народ, дом, тело с чувствами и ощущениями, мысли-ощущения, состояние плоскости, состояние неба, состояние дыхания. Но здесь я уже перешел предел делимости – предел самого, своего.

8. Установим степени **моего**. Пусть наибольшая степень будет состояние, вмещающее наибольшее число состояний. Мы ищем самое глубокое, близкое мне, **мое**. Отбрасывая внешние состояния, мы приближаемся к нему. Но, переходя от более внешнего состояния, обозначенного большим числом, к более внутреннему, внезапно мы переходим некоторую границу и вступаем в область состояний совсем другого рода. Я отбрасываю всё внешнее мне, чтобы дойти до самого себя; но затем внезапно оказываюсь уже по другую сторону себя.

9. **Мое**, то есть **я сам**, – это граница – мое нулевой степени, и это действительно некоторая пустота, но затем идут состояния, которые я назову состояниями отрицательной степени. Они обладают объективностью, или, лучше, абсолютностью большей, чем положительные степени. Положительные степени – мои, здесь же, во мне, уже **не мое**.

10. Возникает еще один вопрос: я отбрасываю положительные степени или состояния **моего**, как состояния, не обладающие достаточной достоверностью, убедительностью и абсолютностью. Я сам для себя более достоверен, чем мир. Но в чем состоит достоверность или убедительность? Для этого надо прежде всего исследовать предложение – само название, причем исследовать его просто технически: как я называю что-либо **тем**.

11. Отделяя от себя внешнее, я пришел к некоторой пустоте, к нулю, но затем за этой границей внутри нуля обнаружились новые реальности. Всё множество положительных степе-

ней **моего**, да и вообще всё множество степеней **моего**, – потенциальная бесконечность, но множество степеней **моего** во мне, то есть отрицательных степеней, – это уже актуальная бесконечность.

Теперь же эту делимость я рассмотрю иначе, приближаясь к нулю, но не переходя его.

12. Мгновение. Начало его и потеря конца. Непрерывность в мгновении и выход из мгновения.

13. Еще более определено в геометрии: доказательство. Истинность в сопоставлении двух элементов. Пирамида мысли, мысли разных порядков, обрезание бесконечности: определения, аксиомы, построения и пропуски.

Ощущение недолговечности, вернее, отсутствие ощущения долговечности у меня давно. Но теперь, когда все почувствовали недолговечность, у меня появилось ощущение некоторой долговечности. Я понимаю, только чудом можно спастись, но надеюсь и верю в чудо. Во-вторых, я вообще не представляю себе промежуток больше нескольких дней. Сейчас же особенно остро ощущается каждый небольшой промежуток времени. Вообще можно ли беспокоиться о том, что будет через месяц? Но так как почти все беспокоятся, значит, можно, но почему я не беспокоюсь? И что требуется для этого?

«Довлеет дневи злоба его».

И еще близко мне: «Высокое у людей – мерзость перед Богом».

Л. говорил раз о воображаемых неприятностях. Настоящие неприятности: боль, голод и другие. Он считал, что настоящие неприятности хуже. Верно ли? Но вот до войны, когда были воображаемые неприятности, мне было хуже, чем сейчас, когда непосредственно угрожают настоящие неприятности. И я думаю, когда они придут, будет не хуже, чем до войны. Сейчас у меня равновесие, которого уже давно не было. Это от твердого отказа от своей воли. Настоящие же неприятности сопровождаются страданием от ощущения своей воли.

У Островского: я празднолобец. Это то же, что в Евангелии: «Довлеет дневи злоба его». Я немного пожалел сейчас, что не поехал на окопы. Сейчас бы я лежал в лесу, слушал шум деревьев, видел бы небо, чувствовал природу. По Евангелию, празднолобие лучше трудолюбия. При этом можно даже много работать, даже копать землю, но не ходить в Техникум, вообще на службу. Но, конечно, я рад, что не поехал: это из-за мамы. Два центра: плоскость-природа и мама. Может быть, сейчас дома, когда пишу «Логический трактат», я ощущаю природу лучше, чем там – в природе. И еще сейчас: некоторое равновесие с небольшой погрешностью. Оно во всём – и в том, что пожалел, что не поехал, и в радости оттого, что остался, и в ощущении природы, которой сейчас нет. Главное же, я думаю, хорошо оттого, что я отказался от своей воли. Правда, не совсем, но всё же я перешел некоторую грань между своеволием и безволием.

Я снова стал молиться. Для этого не всегда требуется определенное положение, просто я снова почувствовал Бога, Бог – со мною.

У толпы гипноз силы: один с ружьем сильнее ста без ружей.

У женщин – гипноз ума мужа: глупость, которую можно заметить только на своей жене (О.). Но гипноз чувства: нравиться, красива – это женская природа.

Сентябрь

Первая бомба в Ленинграде: через улицу против нашего дома. Был ли страх? Только один: мамино крика. Я испугался бы, если бы мама закричала. Страшна неожиданность, причем та, которую ждешь и боишься заранее: ее ждешь, и она всегда приходит неожиданно. Может, так и смерть: она придет неожиданно. Может, страшно, что я пропущу мгновение смерти. Но к бомбе у меня нет такого страха. Может, реальная возможность смерти уменьшает страх смерти самой по себе.

Когда упала бомба, мама уже спала. В комнате посыпались стекла из разбитого окна, мама проснулась и удивленно спросила: «Что это?» Я, боясь, что мама закричит, успокаивая ее, сказал: «Не бойся, это только бомба».

Марина рассказывала, что накануне ареста Д. И. не хотел передвигать стол в коридор, он боялся, что случится несчастье, если стол передвинуть. Я сейчас снова так сильно ощущаю связь людей, вещей, событий, что думаю: может, Д. И. и был прав. Я ощущаю все личные связи и с Т. как некоторую реальность, и Т. – некоторый стержень, в котором все они пересекаются. Я представляю себе некоторую сеть – паутину, и я – узлы этой паутины. Эта паутина – я и мир, мои отношения к нему, но отсутствует природа. В этой паутине отношений я снова нахожу себя и, переходя в центр ее, уже отказываюсь от всякого личного отношения, от себя. Я наблюдал связи и отношения незаинтересованно, я над ними, и уже не-я. Но я хотел бы иметь сильную связь, быть привязанным к чему-то выходящему из меня; мама – это я, но вне меня – люди, связи, природа и Т. – дверь в мир. И снова: всё это – сеть, паутина, узлы которой – я, но я жду более конкретной связи с людьми, миром, землей, природой, через стержень или центр. И это уже другой путь: положивший руку на плуг, не оглядывается назад.

У меня сейчас какая-то ясность и спокойствие, которое бывает перед смертью или накануне новой жизни.

Люди живут не настоящим, а заботами и страхами, сопровождающими настоящее. Мало кто удивляется движению времени, смене времен, полному изменению; сравнивая то, что было полгода назад, и сейчас, замечают только неприятности и опасности, которых тогда не было, и не понимают, что призваны как небожители на пир. Это чудо – такое изменение всей жизни. Время ощущается как то, что задерживает некоторое движение – жизнь. Иногда же, освобожденные от этой задержки, наступают увлечение, вдохновение, одержимость (Хармс), но опять-таки в некотором промежутке времени ничего не произошло.

Этот промежуток разрастается до недель, месяцев, лет – когда смотришь назад. И внезапно что-то случается. Жизнь становится другой, и это непонятно. Непонятно, как моя жизнь, определенная, подчиненная каким-то правилам, имеющая некоторую твердость и прочность, хотя бы в ощущении нетвердости и непрочности, вдруг всё это теряет и делается другой. Ощущение прочности и беспеременности – это ощущение времени. И вдруг его не стало. Так было семь лет тому назад. Но тогда тяжесть времени возросла невероятно, возросла интенсивность времени, а сейчас – различие двух времен. Сейчас совсем другое время, почти нет его.

В чем здесь чудо? Я жил по определенным правилам, и это значит – рассчитывал на неопределенно долго продолжающееся время, на *indefinitum*. И тогда бывали ощущения вечности и жизнь была ощущением вечности, но сейчас совсем другое, хотя и сейчас ощущаю жизнь как вечность, вечность – характер жизни. {У меня сказано было очень неопределенно, а смысл такой: до войны преимущественным было ощущение времени как *indefinitum*, а сейчас преимущественно ощущение вечности – *indefinitum*. В полном, почти катастрофическом изменении жизни, в непрочности, в неизвестности, что будет завтра, что будет сегодня ночью и, может, даже через час, в реальных опасностях я реально ощутил характер вечности. Чудо же в том, что что-либо, имеющее ко мне ближайшее отношение, и я сам, оставаясь теми же, стали совсем другими.} Я тот же и вне времени, я тот же и как тот же я уже совсем другой. Два времени, совсем различных, и оба времени – одно и то же время, определяемое мною. {То есть я почувствовал полноту и исполнение времен, эсхатологичность моего сейчас.}

Лк. 2:52. «Иисус же преуспевал в **премудрости** и в **возрасте** и **любви** у Бога и человеков».

Раньше, когда смерть непосредственно не угрожала, думал о ней и боялся больше, чем сейчас, когда она реально угрожает.

Во время воздушной тревоги я стоял в парадной и смотрел, как немецкий самолет сбросил две бомбы. Вначале они летели горизонтально, и каждая казалась не длиннее спички. Я не беспокоился за маму и Лиду, за Мишу и Надю, вероятность попадания была невелика, мне казалось, они упадут в Выборгском районе.

Раньше, если я опаздывал на час, два, дома волновались больше, чем сейчас, когда меня нет дома и я задерживаюсь из-за воздушной тревоги.

Сегодня Т. получила письмо: «Пропал без вести... основание для возбуждения ходатайства о пенсии», – эти мерзкие слова, хотя и не дают ничего нового, всё время стоят передо мною.

Несколько дней какая-то муть, сегодня разразился кризис. Стало уж совсем плохо, хуже, казалось, не могло быть. Я лег спать. Проснулся и сразу понял: поиски души. Муть была потому, что я потерял свою душу. А сейчас – рождение души: душа оставила свою душу, то есть нашла ее. Я отдалял от себя мгновение – оно могло и не наступить. Всё же еще не было полной радости. Я взял Евангелие, и она пришла.

Фрейд поймет каждое состояние души и объяснит научно. Опыты и эксперименты подтвердят. Потом придет другой и опять объяснит научно, и опять опыты и эксперименты подтвердят. Но ведь и до Фрейда Месмер, Мэри Беккер, Шарко тоже объясняли, и лечили, и подтверждали опытом. И у Мэри Беккер подтверждений больше, чем у Фрейда, у него одно преимущество – он позже Мэри Беккер. И так в науке всегда: прав последний. Но так как самого последнего нет, то где достоверность? Но вот Евангелие первое и не требует последующего. Не Фрейд, а Евангелие излечило меня от мути.

Джеймс: «Прагматизм обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действию, к власти». Евангелие: «Довлеет дневи злоба его»; бездействие, непрактичность, слабость: «Когда я немощен, я силен» (2 Кор. 12:10). В сравнении с Евангелием прагматизм – плебейство. Да и вне сравнения – плебейство. {Я и сейчас еще помню это состояние после чтения Джеймса. Стало так же противно и тоскливо, как весной 1917 года после чтения Бебеля «Женщина и социализм» – о коммунизме и о фаланстерах Фурье. То же самое: «своею собственной рукой».}

Я вышел в коридор курить (после чтения Джеймса). Заиграло радио, и внезапно я ощутил невероятную тяжесть, тоску, скорбь бытия. Подобные ощущения бывали, когда я летом ночевал в чужой комнате на даче, и в детстве по вечерам, когда я не мог заснуть от страха смерти. Но сейчас это было сильнее, обнаженнее – сама боль опустошенного бытия. Это – ощущение точки, затерянной в бесконечном пространстве; эта точка – я сам. Ощущение шло волнами: и на вершине волны оно было совсем невыносимым, и если бы волны не спадали, не знаю, что стало бы со мною. Это уже не состояние души, а состояние мира, другого мира, в который я проник, в этом состоянии всё живое умирает, опустошаясь в абсолютном одиночестве. Как совместить его со вчерашней радостью очищения и рождения души? Оно – это состояние точки, затерянной в бесконечном пространстве, – осталось еще в глубине меня, я отвернулся от него, чтобы не видеть, оно мучительно притягивает и убивает. Это не «Логический трактат», не мысль, не теория, а сама реальность, как и вчерашнее состояние рождения души, это я сам, проникший в глубину мира, в его тайну, слившийся с нею. И вчера в рождении души – это был я, переставший быть собою, я в Боге. Может, и это какая-то глубина в Боге, в которую страшно заглянуть? Вот уже я пытаюсь строить теорию, оправдывать бытие, доказывать, что всё к лучшему, но к чему это? – Тогда теряю то, что было. И отчего такая боль на вершине волны, ощущение полной несовместимости со всяким другим состоянием, уничтожение всего, страшное ничто? Может, всякое состояние автономно и, когда есть, не допускает другого? Но если рождение души (состояние № 1) – завершение, то это в некоторой иерархии состояний в глубине, в основе, болезненность бытия, разъедающая и разрушающая всякое состояние; еще сейчас остались его следы. Если же я располагаю оба состояния в каком-то пространственном порядке, то не результат ли это привычки отводить злу нижнее место, а добру верхнее?

Состояние № 2 – разрушительная система болезненности бытия. Это не соблазн, смотреть на него страшно, но что же? Может, этот вопрос – уже соблазн, как вкушение от древа познания? Тогда это соблазн ума, а состояние № 1 может стать соблазном чувства, и третий соблазн – соблазн схемы, соединения двух состояний системы. {Я думаю, каждое из этих двух

состояний не соблазн, а реальность, может быть даже автономные реальности, соблазном же становятся, когда я хочу разделить – ε [экстенсивный – *греч.*]-соблазн или соединить их – ι [интенсивный – *греч.*]-соблазн. При этом ε-соблазн, именно как экстенсивный, раздваивается: соблазн отделить № 1 от № 2, и второй, ι-соблазн, – отделить № 2 от № 1. Потому что отделение – тоже соединение: соединение отделением. Может быть, оба состояния автономны, как два замкнутых мира на одном месте, – они и не знают о существовании друг друга. Когда же я отделяю один от другого, одно состояние уже знает другое, нарушается их автономность. Тогда возникает соблазн, само состояние становится соблазном. Это рассуждение о двух автономных состояниях правильное, но в применении к состояниям № 1 и № 2 – не знаю, правильно ли: чтобы не стало манихейского дуализма, состояние № 2 надо как-то углубить и понять.} Я постараюсь воздерживаться от своих суждений, от схем; вчерашнее состояние, которое часто поддерживало меня уже около пятнадцати лет, я буду обозначать № 1, сегодняшнее, которое тоже и раньше бывало, – № 2. Я боюсь его, боюсь даже взглянуть на него, оно сжигает и уничтожает меня.

Есть некоторые мировые константы, к ним принадлежит и слово «душа» {№ 1}. Исторические эпохи определяются отношением к этой константе: Аристон, Евангелие, Августин, Декарт – вот некоторые вехи.

Вторая константа {№ 2} не имеет таких определенных разделов и совершенных выражений, как первая. Может быть, полное и совершенное выражение этого состояния уничтожило бы того, кто попытался бы выразить его. Может, это некоторая глубина в Боге, в которую недозволено даже заглянуть. Только намеки на нее возможны, и они есть в Евангелии. Может, еще в «Тимее» или «Законах» Платона, у Гоголя и Достоевского. Это как смерть души. Но если нет души, нет и смерти души.

Я люблю быть один и боюсь быть один. Я люблю быть один, если в соседней комнате кто-то есть, и лучше всего, если мама. Я боюсь встреч с людьми и не хочу встреч, кроме четырех. И еще Т. Сейчас Т. – дверь в мир.

Лк. 5:39. «И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодое; ибо говорит: старое лучше». Это ведь о Евангелии. Евангелие – молодое вино.

Лк. 8:24. «Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» – № 1.

Лк. 11:17. «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет». – Это о состоянии № 2 и некоторое указание на онтологическое преимущество состояния № 1, некоторое благоприятствование, потому что есть какая-то противоречивость в утверждении зла и разрушения. Но это благоприятствование как бы беспредметно, и именно беспредметность благоприятствования дает некоторую надежду.

Может, состояние № 1 – ответ на состояние № 2? Каждое состояние простое, как всякое состояние души, но при каждом воспоминании обнаруживаются различные направления и линии. Каждое воспоминание состояния – один из прошедших через мысль вариантов одного инварианта, и № 2 – смерть или одно из ее окружений.

Вялость и уныние, желание деятельности и отсутствие соответствующей деятельности. Ввели меня в это состояние или поводом были Джозуэ Ройс, Джеймс и прочие.

Главная деятельность сейчас – «Логический трактат». К нему же боюсь притронуться – хочу и боюсь. Боюсь же потому, что требует усилия. Чувство жизни: интерес и усилие, и второго боюсь. В первом – в интересе – тоже усилие, но исходит не из меня, и я не могу не подчиниться ему, когда оно есть. Во втором – я сам создаю себе своим усилием интерес, и это только дело рук человеческих.

Обычно Евангелие трактуют, морализируя, но нравственность сама по себе эгоистична: цель – я; так же эгоистичен категорический императив Канта. Категорический императив – высшая идеализированная форма безнравственности.

Сегодня, 25 ноября, начинаю новую жизнь. {Сколько раз я начинал ее, пока 16.X.63 не я, а Ты заставил меня начать новую жизнь и дал мне два устоя: в страдании и в радости страдания.}

Во-первых, я постараюсь отбросить все мысли и разговоры, связанные с удовлетворением голода, который я ощущаю сейчас нередко очень сильно.

Во-вторых, постараюсь подавить в себе само ощущение голода. Для этого просто надо до и после еды думать не о ней, а о других людях, заботиться о них, или думать о «Логическом трактате», или о Боге. Но, когда я буду есть, я ведь могу ощущать ее вкус?

В-третьих, постараюсь всегда быть радостным, не возвышать голоса, не сердиться.

В-четвертых, не обижаться и не считать несправедливым в отношении себя, если другие будут говорить и поступать не так, как мне бы казалось правильным. Тем более что они могут быть правы и могут понять мои мысли лучше меня. Я буду соглашаться с ними, когда они будут осуждать меня, даже если вначале мне покажется это неправильным и несправедливым. Но это трудно.

В-пятых, если же не удастся, или меня будут несправедливо осуждать, или мне покажется, что меня несправедливо осуждают, то я постараюсь найти в этом радость и радоваться. Ведь это одно из блаженств.

В-шестых, я постараюсь понять мысли и чувства близких мне людей, с которыми я сталкиваюсь, чтобы не говорить и не делать того, что им неприятно, если только это не противоречит моей совести. Я буду стараться развивать в себе деликатность и такт.

В-седьмых, если мне вообще чего-либо захочется или придет в голову какая-либо прихоть, то я не буду огорчаться, если придется отказаться от нее, в особенности если это делается ради других. Это значит: во-первых, понять, что всё хорошо – и прихоть, и отказ от нее; во-вторых, понять радость жертвы.

Это только начало. Здесь ничего не сказано о других людях, и не надо мне уходить из дома, если я и дома могу сделать так много и избавиться от стольких мерзостей. Мысли об уходе из дома часто вызываются отсутствием смирения и непониманием, что это хорошо, если меня несправедливо осуждают: начинаешь с Евангелия, а кончаешь собою; начинаешь сердиться и возмущаться, не потому что другие люди не понимают и не следуют Евангелию, но потому что они не хотят понять **меня** и следовать **мне**, проповедующему Евангелие. И здесь они правы. Как они могут поверить Евангелию, когда я сам, проповедующий Его, поступаю не по Евангелию. И этого во мне очень много. В таких случаях я постараюсь искать ошибки не у других, а у себя. Если же я почувствую, что не могу найти правильного выхода, или стану обижаться, или находить несправедливости в отношении себя, то лучше буду молчать, чем оправдываться, разьяснять, спорить. Вообще постараюсь: когда твердо не знаю, как или что сказать, – молчать; когда чувствую, что начинаю сердиться, или обижаться, или мне кажется, что меня несправедливо осуждают, или знаю, что разговор будет всё равно напрасным, и вообще, когда нет обязательной необходимости говорить, – молчать. {Могу ли я сказать, что сейчас хотя бы приблизился к исполнению этих правил? Нет, только одно: Бог поставил меня в такое положение, что мне редко приходится нарушать их.} Вчера были безобразные сцены, виноват я, и вот записал семь правил – это и вылечило меня.

Больше всего, может быть, всегда меня интересовала магия. Л. называл мои вещи тайнописью. В Бахе меня интересовали пересечения каких-то линий, давно мне казалась его музыка задачей или загадкой, которую надо разрешить. Это я и делал в своей работе над Бахом. То же самое я ищу теперь у Хлебникова. Некоторые линии я нашел в стихотворении «В этот день голубых медведей». Скрытый смысл я искал в «Разговорах» Платона. И то, что я тогда нашел, – тайную жизнь отвлеченных, почти ничего не обозначающих слов-знаков, снова нахожу сейчас, читая «Федона». Такой же тайнописью была и иерография, которой мы занимались с Лёней и из которой затем возникла моя «Тайнопись знаков» и Лёнина «Теория слов». Раймунд Лул-

лий, Лейбниц – тоже интересовались магической наукой: непонятными соотношениями бессмысленных знаков. Они чувствовали их реальность.

Может быть, эта магия лежит в основе мысли. Мысль – чудо: бессмысленный знак получил значение. Это по содержанию. При совершении этого чуда рождается душа.

Это чудо творения мира: пустой, ничего не обозначающий знак стал реальностью. И одновременно: из содержаний сознания возникла душа. Содержание души – не душа. Она возникла в своем содержании, но из ничего, как Бог сотворил из ничего небо и землю.

Монады Лейбница обладают только двумя способностями: представления и влечения. Может быть, это самое правильное – двойственное деление души. Душа возникает, покидая себя, оставляя свои представления, то есть увлекаясь, и в этом увлечении только существует. Оттенки же и характеры этого влечения называются чувством, желанием, волей, мышлением и т. д. Всех этих оттенков всё равно не перечислить. Уже мышление различается: смутное, произвольное – предтеча мысли – и ясное, и иногда трудно найти в них что-либо общее. Иногда произвольное мышление ближе к чувству или желанию, чем к ясному мышлению. Здесь не может быть точного разделения, и теория трех способностей очень грубо искажает душу.

В первый же день сегодня нарушил 1, 4 и 7-е правила. Поэтому возникло некоторое уныние: от омерзения к себе. Может, это главный источник уныния. Как излечиться от него?

– «Нагнуться в глубину золотистым или темно-синим глазом и понять: я тот».

У Введенского есть поиски души: почему я не орел, почему не ковер Гортензия. Хлебников нашел бы, что он и орел, и ковер Гортензия. Его заполняет содержание души. Может быть, поэтому и необходимо соединять возвышенное с низким (Гаусс: теория чисел и землемерие). Поэтому у него нет самой души, только ее содержание.

Я читал «Многообразие религиозного опыта» Джеймса и внезапно заметил, что лампа светит тускло, ощутил, как протягиваются щупальцы с того света, и сейчас они захватят меня и станут душить, и в груди будет стеснение и тоска. Я закурил: выходить в коридор курить не буду, там станет еще страшнее. Надо читать Евангелие, лучше молиться, но как молиться в этом состоянии? Ничтожество всего, всех дел, мировой космический провинциализм.

Евангелие от Матфея 22:2–13. У Матфея нет последнего заключения: на пир пришел человек не в праздничной одежде и за это был отдан на истязание.

Евангелие не признает справедливости, абстрактного равенства: Марфа и Мария, работники на винограднике, блудный и добрый сын. Поэтому и надо радоваться, когда меня осуждают.

Бессмертие надо заслужить. Как? Найти свою душу, чтобы вернуть/отдать ее Богу.

Пять или шесть лет у меня было сомнение (с августа 1934 года). Я знал, надо немного слицемерить, сказать себе: я верю, и вера вернулась бы. Но вера, основанная на лицемерии и лжи, хуже неверия. Надо было ждать или стараться что-то делать. Я старался, но, по-видимому, не так, как надо, и мало, я больше ждал. И она вернулась, пришла сама.

{ Скорее, так: как Гоголь, я мог сказать: в Христе такая мудрость, что умом я понимаю: так мог говорить только Богочеловек, но веры нет. И еще: в ночь на 17 августа 1934 года вестники улетели, через семь лет вернулись. Был ли я эти семь лет **не** верующим? Во всяком случае, неверующим я не был. Я искал, ждал и иногда чувствовал: как бы скрытый от меня или за моей спиной, но Он есть.

По-настоящему, то есть для Бога, человек или верит, или не верит. Но так как бывает, что человек воображает, что верит, хотя и не верит, а только желает желать верить, или желает не верить, или думает, что не верит, хотя верит, то есть верит, но не знает, что верит, то у людей есть четыре категории: верующий, **не** неверующий, **не** верующий, неверующий. До некоторой степени эта классификация совпадает с следующей: активно верующий, пассивно верующий, адиафора в отношении веры или пассивно неверующий, активно неверующий. Самая худшая

категория, может, даже не четвертая, а третья; активно неверующий может стать активно верующим, а пассивно неверующий ничем не станет. Так вот, к последним двум категориям я никогда не принадлежал, во всяком случае, с весны 1911-го. Различие же первой и второй категории можно определить так: чувствую я или не чувствую присутствие вестников. В ночь на 17 августа 34 года вестники меня покинули, через семь лет вернулись.

Затем, второе: и у активно, и у пассивно верующего бывают состояния актуальной и неактуальной веры. Но и в неактуальной пассивной вере сохраняется ощущение моей абсолютной инвариантности, и дает ее – Бог. У пассивно верующего бывают актуальные состояния веры, но реже, чем у активно верующего. Они были у меня, хотя и нечасто, и после того, как вестники меня покинули. И последнее: в наиболее актуальном состоянии веры часто кажется, что уже давно, может, никогда еще не было такой сильной веры; может даже показаться, что я вообще впервые узнал, что такое вера. В то время – в самом конце ноября или в декабре 1941-го – у меня было актуальное состояние веры. Поэтому я и написал: вернулась вера. }

Почему я не крещусь? Потому что мне нравятся храмы, обряды, традиции. Крестившись, я бы потерял чистоту веры. Было бы больше радости и молитвы, но к истине затесалась бы фальшь.

Положивший руку на плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Божия. Я не могу не оглядываться назад и не представляю себе, что когда-либо смогу не оглядываться назад. Я могу день, месяц, год не оглядываться назад, но на всю жизнь отказаться не могу. Это последняя степень, и Евангелие не говорит, что она обязательна. Всё, что сотворил Бог, хорошо: и еда, и питье, и водка, и празднотворие. Но если бы я достиг и предпоследней степени, но подумал: вот есть для меня еще последняя степень, и не постарался бы достичь ее, то в этом уже был бы грех. Греха нет в том, чтобы любить поесть и выпить, даже напиться, если это не делается непреодолимой страстью. Грех состоит в том, что, подумав: в этом нет греха и это даже хорошо, но было бы еще лучше не делать его, – и подумав так, не постараться исполнить. Я не знаю, большой ли это грех или нет, но если в чем-либо хорошем явилась мысль о лучшем, то не последовать этому всё же будет грехом и, по-моему, большим. Потому что в этой мысли я и есть я, и здесь я не хочу отдать себя самого Богу. Я согласен отдать всё: и работу, и душу, и мысли, но не себя самого – это большой грех. Причем я знаю и верю, что в этом и есть высшее блаженство, вернее, не верю, а, как сказано в символе веры, чаю. Потому что если бы я точно знал и верил, а не только чаял, то это было бы простым расчетом и, следовательно, не имело цены. Всякая другая религия устанавливает только обряды и требует часть души. Только Евангелие требует всю душу и, я чаю, дает больше всех. Оно уже и сейчас дает не как залог будущего, но даром, по благодати.

Если бы я сейчас отказался навсегда или на время от водки, от некоторых удовольствий, но не отказался бы от «Логического трактата», я получил бы некоторые неприятности, но приобрел бы очень мало, может, даже ничего. Возможно даже, что потерял бы, так как появились бы соблазны. Но отказ от трактата во славу Божию – это было бы и отказом от удовольствий, то есть при этом удовольствия стали бы греховными, – этот отказ от Бога ради Бога я не могу сейчас совершить – это значит не оглядываться назад.

Отказ от менее дорогого ради сохранения самого дорогого иногда может быть полезен как предварительное упражнение, вообще же есть некоторое лицемерие: на Тебе, Боже, что мне негоже. Мне кажется, к этому очень часто сводится аскетизм.

Вообще, грех не в удовольствии и не в том, что мне доставляет удовольствие или наслаждение, но в самом большем наслаждении. Если расположить все блага по силе удовольствия их для меня, то ни в одном нет греха, кроме того, которое будет для меня высшим. Если составить абсолютную шкалу благ: А – В – С —..., то для одного грехом будет А, для другого – В, для третьего – С и т. д., если они соответственно высшие. И даже не это грех. Если я наслаждаюсь всеми благами вплоть до того, которое высшее для меня, то в этом еще нет греха. Но

если я подумал: пусть у меня будут семь благ, все они невинны и хороши, но вот есть восьмое благо, и оно еще лучше, но ради него надо отказаться от всех других, и, главное, от седьмого, которое казалось мне высшим, – подумать так и не сделать сразу же – это грех.

1942

10 февраля.

3-го или 4-го умер Д. И. Так мне сказали вчера, и если это правда, то ушла часть жизни, часть мира. Ночью несколько раз снилось. Сны ищут оправдания смерти, и этой ночью смерть Д. И. была как-то объяснена, но я не помню как, помню только переломленный пучок прутьев.

В последнее время Д. И. говорил о жертве. Если его смерть – жертва, то слишком большая. Сейчас она обязывает.

Первым ушел Д. Д. в конце декабря.

Со смертью Д. Д. совпало начало моего растянувшегося отдыха и провал наступления. Затем – холод, истощение. Казалось, что уже конец всему. Ходить, во всяком случае, далеко я уже не могу почти два месяца. Евангелие не читал или очень редко. Но всё же я начал работать, хотя еще не по-настоящему. «Логический трактат». Когда я его писал, было так холодно и я так слаб, что больше получаса писать трудно было. Затем мы переехали в одну комнату. Становилось всё хуже, писать перестал.

Большое мгновение: утро, полутьма, грязь. Лида встает, я еще лежу, трудно встать, хотя хочется – от лежания болят кости, но страшно холода и движений. Это уже не жизнь, а полужизнь – двигаются тени в подземном царстве. Неделю или полторы назад стало совсем плохо, и я думал, что близок конец. Меня стали еще усиленнее подкармливать.

Самое сильное ощущение голода было перед моим отдыхом, то есть в декабре. Когда перестал работать и писать, стало хуже, росла жадность. Я чувствовал, как сохнут желания и чувства. Сейчас уже не хожу. Снова осложнение: возможен Лидин, может быть, и мамин отъезд. Наконец, смерть Д. И. – уже незаменимая жертва. Чтобы она не была такой бессмысленной и ужасной, я снова должен начать писать. Но я надеюсь, может, всё же Д. И. жив?

3 мая.

Физиологический период после стационара прошел. Я как-то почувствовал святость пищи, например: грех катать шарики из хлеба. Январь-февраль: умирание, полусмерть, подземные тени, как в аду у Гомера. Категории-соблазны философии – тоже неуловимый мир теней. «Царство».

Об ощущении голода. Три периода: нисходящая линия – всё чаще непроизвольные мысли о еде, которые трудно подавить. Но до января всё же как-то держался. В десять-одиннадцать часов вечера мама и Лида ложились спать, а я, выпив несколько чашек кофе, после чего во мне что-то как бы проваливалось, ложились на полчаса-час отдохнуть, а потом писал часов до четырех. Эти четыре часа совершенно не чувствовал голода. В январе падение – плоть победила, но, победив, пала – потеряла силу. Это второй период, ощущение голода слабеет, даже не хочется вставать, чтобы поесть, иногда только вдруг отвратительная вспышка жадности, а потом снова безразличие. И в философии какие-то тени и вдруг подъем – «Царство».

{Уже потом мне казалось: если бы не поехал в стационар, может быть, и закончил бы «Царство» и умер. Смысл «Царства» – кеносис – Флп. 4:12, 13.}

Третий период. Ощущения голода при выздоровлении снова возрастают, но их можно подавить настолько, что не чувствуешь голода. Голод в первом периоде – ослабление духа из-за ослабления плоти. Аскетизм – в третьем периоде – подавление плоти. Настоящий аскетизм возможен только тогда, когда поймешь святость пищи, а для этого надо пройти первый и второй периоды. Надо почти умереть физически, чтобы понять, что нет греха в том, чтобы есть, но что лучше – не есть.

С 26 апреля – сторож при разрушенных яслях, неделя питания (жена Лазаря). Еще до этого приходила Т. Н. Вначале мне казалось, что она безнадежна, но теперь поправляется. Но свойственный ей (и Люсине) натурализм возрос. Затем был в больнице у Вс. Николаевича. Он

возмужал и огрубел. Затем у О. Н. Верховской, вчера у С. Н. – она в унынии после смерти своих друзей.

Некоторые разговоры бестактны, бестактно говорить о своем превосходстве или возмущаться, что попадаешь в общее русло. Настоящее сознание превосходства не возмущается этим, наоборот, стремится к нему – *быть как все*; хотя и не удается.

18 мая.

На подоконнике против заколоченной квартиры Д. И.

Квартира и всё, что с ней связано, – целый мир: распадение, разрушение, обнажение – тела, чувств, мира. Помоги, Господи.

19 мая.

Лк. 11:24–26. За эти четыре месяца что-то вышло из меня, из всех нас, С. Н. права, и теперь, когда дом выметен и убран, возвращается. «И бывает для человека того последнее хуже первого».

Вышла некоторая конкретность, конкретность связей людей; мы заглянули по ту сторону жизни и, вернувшись в эту, не можем забыть ту, тени с того света уже здесь. Помоги, Господи.

26 мая.

Переписываю и исправляю последний предвоенный дневник. По этому поводу: во всём я вижу отдельные слои, состояния, части, их наложения, соединения. В музыке – Бах, еще раньше, в двадцатые годы, – баллада Шопена в 24 эпизодах.

Два способа видеть:

1. Непрерывность и развитие во времени, обоснование, доказательство.

2. Раздельность, вневременное наложение, аналогия, совпадение.

Так и жизнь: или непрерывное изменение, или одно неизменное состояние – сейчас, разлагаемое на вневременные слои. Прошлое только потому прошлое, что я воспринимаю его потенциально, но я могу воспринять его актуально, тогда оно настоящее. Если некоторое состояние, потенциально прошлое, освободить от несущественных признаков, оно станет настоящим.

Сейчас я сижу на камне во дворе у яслей, но я освободил это состояние от фиксирования его 26 мая 1942 года. Тогда оно отождествляется с подобным же по существу состоянием 1940 или 1941 года.

Надо различать реальность состояния и фиксирование его на определенном участке времени. В каждом состоянии есть слои, но нет времени. Фиксирование с помощью некоторых несущественных подробностей вносит время, тогда разделяет одно состояние на два, отделяя их (друг от друга) промежутком времени.

Какие-то петли, извилины, знаки, нанесенные неизвестной мне рукой на неподвижные слои жизни, раздвинули их и создали видимость времени и индивидуальности.

15 июня.

Закончил дневник, доведенный до этой записной книжки. Он всё же неприятен (кроме конца), как и первый, может, еще неприятнее. Но в том, что пишу сейчас, кажется, нет этой неприятности. Потому что вернулись вестники. Вернулся Бог.

19 июня.

Лк. 11:8 – неотступность. Д. И. говорил об одержимости. Это было у меня с начала войны до января 1942 года. А сейчас – неотступность.

Лк. 12:21. «...Кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет».

Лк. 12:35. «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи».

Лк. 12:37. «Блаженны рабы те, которых господин, придет, найдет бодрствующими».

27 июня.

Вот чресла уже препоясаны. Мы эвакуируемся. Вышло это совсем неожиданно. Т. осталась. Я должен был уехать – мама, Лида. А уезжать не хотел не только из-за Т.

Лк. 12:49. «Огонь пришел Я низвесть на землю: и как желал бы, чтобы он уже возгорелся. Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока сие совершится». Вот почему не хочу уезжать из Ленинграда.

26 июня в семь часов отошел поезд в Борисову Гриву. Хорошо было в поле. Двадцать седьмого ночь и утро на берегу Ладоги. Узнал места, где жил летом двадцать лет назад (Надя, Лёня, Хлебников, Краснуха). Восход солнца. Катер – тревога, укачало. После переезда через Ладогу всё стало мерзким. Прежде всего, поразила быстрота движений у людей, ведь в Ленинграде все мы от истощения ходили медленно. Быстрота движений напоминала кино, когда вертят {быстрее}, чем надо.

Узкая насыпь с железнодорожными рельсами на берегу Ладоги, вагонетки, быстрое движение, очереди беженцев, автобусы, пустынная дорога – всё это кажется нереальным, как плохой, нудный сон.

В Лаврово нас свалили в пустынном поле. Когда летают немецкие самолеты, милиционеры нас гонят, но куда идти – неизвестно, – всюду пусто, деревьев нет. Днем под палящим солнцем, ночью дождь и комары.

29 июня.

Встал рано, пошел за крапивой – будем варить щи. Возвращаясь, снова встретил Т. Н. Ей нравится, мне всё противно, поссорились. После завтрака (щи) снова лег спать.

Мне снилось, что я должен пойти на то место, где встретил Т. Н., и лечь там на спину, раскинув руки. Проснувшись, не отличая сна от бодрствования, я сделал то, что надо было сделать во сне, то есть перешел на другое место, лег на спину, раскинув руки, и снова заснул. Прежний сон продолжался. Проснувшись, я был удивлен, оказавшись на другом месте, не там, где заснул в первый раз. В кармане я нашел какую-то грязную бутылочку: я вспомнил, что захватил ее во сне, когда переходил (уже бодрствуя) с одного места на другое, – это тоже входило в порядок сна. Тогда вспомнил сон и как бодрствование вклинилось в сон и сон подчинил его. Степень реальности и промежутка бодрствования между двумя снами оказалась меньше степени реальности сна.

Тихвин. Череповец. Вологда.

1 июля.

Вчера в Вологде была пересадка. В вагоне все ссорятся. Мы втроем сидим на вещах, молчим. Полная темнота. Похоже на рассказ, о котором говорил Шура: люди едут на пароходе. Через день-два некоторая тревога. И вдруг вспоминают: они уже умерли, едут на тот свет. Понос. Я в санитарном вагоне (тоже товарный – теплушка). Конечно, никаких санитаров, все лежат на досках и делают под себя, так как двигаться не могут, да и некуда, уборной нет.

2 июля.

4 часа утра. Восход солнца: избыток цвета и оттенков.

3 июля.

Котельническое озеро.

5 июля.

Рано утром сильнее всего чувствуется избыток красоты: красная земля, красные деревья и различные оттенки зеленого.

Чем больше сейчас неудобств и неинтересных приключений, тем сильнее я чувствую устойчивость существования, неизменность я.

17 июля.

Курган. Ночевали между железнодорожными путями. Чуть не попали под поезд. Комары. {В Кургане, по-видимому, мама и получила малярию.} Целую неделю здесь. Комары. Наконец, в настоящем поезде, а не в теплушке, едем в Кособродск, где нас будут встречать.

21 июля.

Позавчера вечером приехали в Чашу. Окончание этой проклятой эвакуации бездарно растягивается, как концы бетховенских симфоний. Два дня в грязи без своего угла в Кособродске. Да и здесь: хаты нет, вещи не разобраны, какая-то унылость во всём. Встречи с людьми (простыми). В связи с этим: может, Россия вообще еще не начинала жить – гениальные начала без продолжения.

22 июля.

Думаю сейчас, кажется, только ночью во сне. Утром, просыпаясь, нахожу какие-то мысли или обрывки мыслей, которые быстро забываются. Днем я ощущаю, как весь погружаюсь в землю: голова – в живот, живот – в ноги, ноги – в траву и землю. Состояние без головы.

Я представляю себе некоторую сферу, разделенную экватором на две части. В верхней части – голова, в нижней – живот и ноги. Верхний свод – небо, нижний – земля. Затем происходит некоторое опустошение верхней полусферы, она уходит в нижнюю, нижняя – в нижний свод, в землю. Осталось: верхний свод – небо, верхний полушар пуст, нижний – земля. Я – в нижнем полушаре, погружаюсь в нижний и по своду перехожу на небо. Между землей же и небом, там, где голова, – пусто...

23 июля.

Мы всё в таком же положении: эвакуация не может закончиться.

Когда мы приехали в Кособродск, меня удивило вот что: впервые после начала войны я увидел нормальные здоровые человеческие лица; жизнь, не порвавшую с природой, с естественностью. Это обрадовало меня и было особенно удивительно в сравнении с противоестественностью и безобразием эвакуационной жизни.

Могут быть какие угодно способы жизни: и жизнь в своем доме, и без дома, и в путешествиях и разъездах, даже в теплушках, но жизнь под железнодорожные гудки на железнодорожных путях, как в Челябинске и Кургане, – это уже слишком противоестественно и бездарно. Железнодорожный путь может быть красив, как и паровоз и поезд, но сортировочные, депо, разъезды, гудки – это уж слишком фабричное и безобразно.

В Ленинграде я чувствовал голод меньше, чем здесь. Во-первых, у меня была комната и занятие. Во-вторых, естественность, природа, к которой здесь я ближе.

Здесь – жизнь ощущений, чувств, погружения в землю. Но вот она обдумана и записана, тогда стала отвлеченной жизнью. В Ленинграде была отвлеченная жизнь и мысли. Но она переходила в пространство мысли – в ночном бдении, в плоскости от земли до неба, и вот она ощущается.

25 июля.

Лида в связи с определенным фактом в эвакуации сказала (не обо мне): человек – функция живота. Это неверно и сказано было в связи с определенным случаем, хотя сейчас я, кажется, подтверждаю это: столкновение двух систем – безопасности и благоразумия. Во время голода в Ленинграде я часто думал, особенно до января, о приятности первых насыщений. Что же оказалось? По дороге – наполнение до изжоги невкусной холодной пищей, чередующееся с голодом, если поезда запаздывали к эвакуопунктам; затем – система благоразумия. Мне казалось, ничего не было бы плохого даже в культе еды в первое время: «Умею жить в скудости, умею жить и в изобилии» (Флп. 4:12).

26 июля.

Сегодня месяц, как мы выехали, и сегодня, наконец, Лида нашла комнату, и кажется, хорошую. Если опять что-нибудь не случится, то Лида блестяще завершила эвакуацию – вообще этот год был для нее самым тяжелым.

Месяц тому назад – 26 июня в три часа дня выехали на грузовике к Финляндскому вокзалу. В семь часов поезд отошел. Вагон переполнен, духота, воды нет. – Ладога – Тихвин – Череповец – Вологда – Вятка – Пермь – Свердловск: снова пересадка – Курган. Двое суток под

открытым небом. Здесь мне исполнилось 40 лет – между железнодорожными путями. Городок Курган мне понравился. В Кособродск ехали в настоящем пассажирском вагоне – 600 км.

Моя абстрактная любовь к путешествиям реализовалась, и даже в теплушке езда мне часто нравилась: некоторая устойчивость и постоянство в неустойчивости.

10 августа.

Чаша опротивела мне, здесь хуже, чем в дороге, вернее, я сам себе опротивел: мерзость запустения.

(Сон.) Я на Петроградской, недалеко от Липавских. Я думаю: через пять минут я буду у них и увижу Т. и Л. Это реально, абсолютно достоверная реальность. Но произойдет какое-то не зависящее от меня преобразование системы координат, и я буду считать эту реальность сном, а мерзкий сон о какой-то «Чаше» – реальностью. Я мучился всю ночь: как остановить ход времени? Как предотвратить непонятное, неизбежное преобразование системы координат?

18 августа.

Нет писем ни от М – Н, ни от Т., мерзость запустения, боязнь благополучия, какая-то адская бездна.

31 августа.

Косвенное доказательство интереснее прямого, в прямом я не выхожу из своей собственной мысли. Косвенное доказательство – намек на что-то более важное. Косвенным доказательством был мой сон о смерти. И так же сейчас: мерзко как никогда, и я вспомнил, что раз я выпил виноградной водки – она вкуснее обычной – и, выпив, подумал: обыкновенная водка противнее, поэтому приятнее. Так и сейчас.

19 ноября.

Я в больнице в большой светлой палате, один. Дома, в нашей полутемной, закопченной избушке, – теснота, я, больной, в углу – не ад ли это? Нет, ад – здесь: пустота, а там – любовь.

В чем моя болезнь? – Я предпочитаю сидеть, а не стоять, лежать, а не сидеть и совсем не выношу хождений. Затем постоянная напряженность и внимание к своему дыханию, я всё время чувствую, как дышу.

Больного положили на обследование в больницу. В истории болезни каждый день одна запись: состояние больного удовлетворительное, жалоб нет, больной поправляется. И, наконец, последняя: больной умер.

20 ноября.

«И с отвращением читая жизнь мою...» – может быть, это обязательное чувство при воспоминании, во всяком случае, у меня сейчас. Когда становится плохо или наступает соответствующий возраст, или существенное изменение жизни, или остаешься один, то с омерзением вспоминаешь свою прошлую жизнь. Омерзительно не то, что я писал, и не люди, с которыми встречался, а мое поведение при встречах. Чем омерзительно? Глупостью или актерством. Глупое актерство, что-то ненастоящее. Чувство омерзения возрастает при взгляде назад пропорционально времени до какого-то мгновения, а затем снова убывает. Может, потому что чем дальше в прошлое, тем я глупее и дальше от себя сейчас, то есть какой я есть сейчас, более чужой себе. Эта глупость – только моя глупость. Не совсем верно называть это глупостью, ведь тогда я писал трактаты, а сейчас не пишу. Сейчас я не мудрее, а умудреннее, ближе к некоторой зрелости или совершеннолетию. Ближе к смерти.

21 ноября.

Отвращение к себе и своей жизни надо дать формулой. Поэтому упоминание года неуместно, надо сказать: возраст. В этой формуле будет выражено, во-первых, отвращение к себе, во-вторых, некоторая проекция назад, в-третьих, ощущение уменьшения степени самочувствия, в-четвертых, двойное отношение отвращения к длине проекции: чем дальше в прошлое, тем больше отвращение. Почему? Я, тот же самый, чем дальше прошлое, тем дальше от себя сейчас. Отвращение увеличивается пропорционально длине проекции. С другой же

стороны, чем больше длина, тем я уже дальше от себя и откинул часть себя, переставшую быть мною. Так как от меня осталось меньше, то и отвращение будет меньше. Так что в оставшейся части отвращение возрастет, но сама часть будет меньше. С увеличением длины проекции возрастает интенсивность ощущения и уменьшается часть меня, на которую оно направлено. Общее ощущение складывается из этих двух движений, и вначале отвращение увеличивается, так как интенсивность перевешивает, но затем убывает, так как начинает преобладать уменьшающаяся экстенсивность.

Это общая формула отвращения к себе. В различных случаях точка поворота от увеличения отвращения к уменьшению занимает различное положение, то есть место на проекции, оно может меняться и зависит от данного состояния сейчас и от характера воспоминания. Область изменения места точки поворота – величина непостоянная: от нуля (то есть первого воспоминания) до настоящего мгновения, но обычно границы значительно уже. Для меня сейчас верхняя граница, то есть конец прошлого, – начало войны, а нижняя, или точка поворота, – 1928–1929 годы. История с С. лежит ниже точки поворота, моя глупость тогда – сейчас меня не трогает, тот я – уже не я {то есть тот я во внешних отношениях, во внутреннем же – тот же}.

Отвращение к себе происходит, по-видимому, от раздвоения меня. Я нахожу себя, отбрасывая часть себя от себя. И здесь две ступени: на первой – отвращение, на второй – безразличие к тому, что отброшено. Или: отвращение к непосредственно отбрасываемому прошлому и безразличие к позапрошлому. Во-вторых, проекция себя на воображаемую ось – время, которого уже нет, воображение оси проекции – времени. Есть граница между я сейчас и я полтора года тому назад, вернее: я – сейчас и я, который мог бы быть сейчас, если бы остался тем, которым был до этой границы, то есть до войны. Мне противен тот я, которым я мог бы быть сейчас {даже не тот я, которым я был, а тот я, которым я **мог бы** быть сейчас, если бы остался тем же; именно если бы я остался тем же, то не был бы тем же, то есть собою, каким я есть сейчас}. Отсюда воображение оси проекции – времени.

Когда почему-либо сосредоточишься на смерти, то наступает это раздвоение, потому что всё другое, что бы я мог сделать в это время, если бы не сосредоточился на мысли о смерти, будет ничтожным в сравнении с этим.

Во-первых, смерть, во-вторых, некоторая погрешность – отклонение от нее, в-третьих, снова возвращение к ней – вот что определяет жизнь и время.

23 ноября.

Формула отвращения к себе определяет жизнь и время смертью. Переход же – разделение себя, потому что, сосредоточенный на себе, я должен был бы не отклоняться от мысли о смерти. Что здесь явное? Отвращение к себе. Что явление? Разделение себя – первое явление. Смерть и погрешность, жизнь и время – второе. Что будет определением? Формула. Здесь есть движение мысли. Отвращение будет чем-либо. Формула – замыканием {этот термин я намеренно взял из топологии}. Во-вторых. Отвращение будет одним, погрешность и отклонение – другим, ведь это и вызывает отвращение. В-третьих. Смерть будет одним, жизнь и время – результаты погрешности – будут другим. В-четвертых. Отвращение будет одним. Смерть, жизнь и время – другим. В-пятых. Смерть, жизнь и время – одним, погрешность и раздвоение – другим. В-шестых. Смерть будет одним, отвращение – другим. В-седьмых. Жизнь и время – одним, отвращение – другим.

2–7. Замыкание отвращения.

2. Одно непосредственно другому без перехода.

3. Одно и другое – оба замкнуты.

4. Что-либо открытое замкнулось.

5. Одно будет другим. Переход – погрешность. Или: что-либо замкнутое открылось в переходе.

6 и 7. Замкнутая часть открылась непосредственно.

Если же взять обратные отношения, то что-либо открытое замкнулось в части.
Значит, такие отношения:

1. Одно и другое (3). }
2. Одно есть другое (5). }
3. Одно имеет другое (2). }
4. Открытое замкнулось (4). }
5. Замкнутое открылось (5). }
6. Открытое замкнулось в части (6, 7). }
7. Замкнутая часть открылась (6, 7). }

Если открытое замкнулось, то будет одно и некоторое удвоение его – другое и оба замкнуты: одно и другое.

Если замкнутое открылось, то одно есть другое.

Если открытое замкнулось в части или замкнутая часть открылась, то одно имеет другое.

Всё это – замыкание чего-либо: одна семичленная формула. {О самой диалектике одного и другого без применения к отвращению я писал, кажется, еще в декабре 41-го – январе 42-го и еще раньше, когда занимался Платоном, – двадцатые и начало тридцатых годов. }

25 ноября.

Позавчера, когда я еще лежал в больнице, вечером в соседней палате закричал ребенок. Сиделка подошла к нему. Должно быть, взяла его на руки, успокаивала, и, должно быть, это доставляло удовольствие и ей. А мне это было бы противно. И я подумал: если бы гриб обладал сознанием и прилетело бы существо из другого мира и сравнило бы нас троих – гриба, сиделку и меня, если бы оно сравнивало не по внешним признакам, а по уму, интересам, склонностям, чувствам, то оно, возможно, признало бы гриба и женщину родственными существами, а меня – чуждым им. Я говорю это не в укор сиделке, а себе. Я оторван от жизни.

Человек окружает себя или окружен кругом меньшего или большего радиуса и интересуется тем, что входит в его круг. Интерес к своему кругу связывает с интересами к другим кругам: интерес к своему кругу понятен каждому, поэтому круги пересекаются. Радиус же моего круга равен нулю. Меня интересует круг деревьев, круг соседнего мира. Таким образом, у меня нет своего круга, я интересуюсь чужими кругами, но чужой всем.

{Помимо «Формулы чего-либо», диалектику одного и другого я или начал писать, или продолжал в апреле – мае – июне. Эвакуация же выбила меня из колеи, только в конце сентября 42-го я пришел в себя, тогда и начал писать «Квадрат миров». Возможно, и в декабре 1942-го написана «Формула несуществования». Она возникла внезапно: наша изба была дырявая, щели мы затыкали ватой, воробьи вытаскивали ее, дверь на двор плотно не закрывалась, дуло, а морозы бывали и до 50 градусов. Утром вода в ведре замерзала. Писал я поздно вечером в пальто и шапке – так было холодно. Керосина не было, а на скипидаре (кажется) коптилка каждую минуту гаснет, спичек же мало. Поэтому на столе стояли две коптилки: гаснет одна, зажигаю от первой вторую. И вот вечером внезапно что-то пришло мне; кажется, написал всё сразу. Я долго сам не мог понять «Формулы несуществования», одно я знал твердо: это не нигилизм, совсем наоборот, наиболее сильное утверждение Бога и Его Провидения, это апо-

фатическая теология. И такое же у меня было ощущение, когда я писал: всё кругом трудно, страшно и плохо – и это именно хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.